

, 12 14 2024 .

«Надежда, – говорит Бог, – вот что приводит Меня в удивление»

УПРАЖНЕНИЯ БРАТСТВА
«ОБЩЕНИЯ И ОСВОБОЖДЕНИЯ»

РИМИНИ 2024

На обложке: Лука делла Роббиа. *Посещение Пресвятой Девой Марией Елисаветы*. Деталь. Глазурованная терракота, ок. 1445. Церковь Сан-Джованни-Фуорчивитас, Пистойя, Италия
© Фото: Scala, Firenze.

«По случаю духовных упражнений Братства „Общениа и освобождения“ на тему „Надежда, – говорит Бог, – вот что приводит Меня в удивление“ Святейший Отец Франциск сердечно вас приветствует в надежде, что дни молитвы и размышлений пробудят желание позволить Христу воскресшему достичь вас, чтобы никакие поражения, падения или страдания не препятствовали пути к полноте жизни и чтобы сердца открывались для доверия. С такими чувствами Его Святейшество заверяет, что помнит о вас в молитве и с радостью преподает вам апостольское благословение – залог всех желаемых благ».

Кардинал Пьетро Паролин, государственный секретарь
Его Святейшества, 3 апреля 2024 г.

Пятница, 12 апреля, вечер

Франц Шуберт

Фантазия для фортепиано op. 15, D 760, «Скиталец»

Фортепиано – Альфред Брендель

«Spirto Gentil», n. 34, (Philips) Universal

■ ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Давиде Проспери

В начале обратимся с просьбой к Духу Святому, чтобы Он сопровождал нас на пути этих дней, никогда не оставляя на произвол нас самих. Помолитесь всеми силами и со всем смирением, на какие мы способны, о том, чтобы мы по благодати были открыты призыву, с которым Он вновь обращается к каждому из нас, собирая здесь сегодня наше Братство.

Гимн Святому Духу

Прочитаю телеграмму Святейшего Отца:

«По случаю духовных упражнений Братства „Общения и освобождения“ на тему „Надежда, – говорит Бог, – вот что приводит Меня в удивление“ Святейший Отец Франциск сердечно вас приветствует в надежде, что дни молитвы и размышлений пробудят желание позволить Христу воскресшему достичь вас, чтобы никакие поражения, падения или страдания не препятствовали пути к полноте жизни и чтобы сердца открывались для доверия. С такими чувствами Его Святейшество заверяет, что помнит о вас в молитве и с радостью преподает вам апостольское благословение – залог всех желаемых благ. Кардинал Пьетро Паролин, государственный секретарь Его Святейшества».

Мы в очередной раз глубоко благодарны папе Франциску за его отеческую близость, которую он продолжает проявлять по отношению к нашему пути. Давайте исполним его пожелания, чтобы каждый из нас по-настоящему позволял Христу воскресшему достигать нас в каждое мгновение этих дней.

Ограничения, связанные с коронавирусом и не позволявшие нам собираться вместе в предыдущие несколько лет, закончились, и в этом году мы задумались о том, чтобы наконец организовать упражнения в Римини. Разумеется, мы сознавали, какие трудности и жертвы такой выбор означал и даже в эти дни означает для многих из нас, особенно в том, что касается перемещений (поэтому рекомендуем переживать эти моменты как возможность побыть в молчании и глубже погрузиться в содержание лекций). И все-таки мы хотели сделать всем решительное предложение, предложение прожить один момент в году вместе, в том числе и физически, насколько это возможно, чтобы в остальное время года память о принадлежности к нашей компании возрождалась с большей силой. Мы были удивлены откликом и множеством замечательных свидетельств друзей, которые пошли на большие жертвы, чтобы быть здесь в эти дни. Правда, среди множества писем, которые мы получили по этому поводу, есть и такие, в которых люди жалуются на трудности, на преклонный возраст и проблемы со здоровьем, на логистические и экономические сложности, на мысль о том, что в понедельник придется возвращаться на работу уже уставшими, некоторые сетуют даже на рост энтропии и загрязнение окружающей среды... Но несмотря ни на что, мы приехали сюда, доверяя доводам нашей компании больше, чем собственным (вполне понятным) недоумениям. Для меня это первый большой знак возрастающей сознательности народа, который не желает оставаться замкнутым в рамках собственной меры. Многие свидетельствуют о благодарности за то, что спустя несколько лет у нас вновь есть возможность собираться вместе.

Позвольте мне прочесть одно из писем, описывающее путь изменения. «Несколько дней назад пришло объявление о предстоящих в апреле упражнениях. В части, посвященной тем, кто не может приехать в Римини (я в силу возраста и различных болезней отношусь к числу как раз таких людей), говорилось, что они должны кратко описать причины такой невозможности, а затем, в случае одобрения, приступить к оплате, которая, надо сказать, увеличилась в три раза по сравнению с ковидными временами. Первая реакция – гнев. Кто и на основании какой квалификации будет анализировать мой запрос? Согласно каким критериям? И как же конфиденциальность? Короче говоря, набор возражений, в том числе и смехотворных. Вторая реакция – бунт. „Не поеду, – подумал я. – Потом, если руки дойдут, прочитаю книжку“. Однако время шло, и мне стало беспокойно. Я больше не рассуждал и признал объективный факт, что

всему должно быть какое-то объяснение. Или, точнее, что самое большое возражение – во мне, я сам. И тогда вспыхнула благодарность. Конечно же, упражнения важны, конечно же, важна жертва, конечно же, важно быть лично, конечно же... И я вернулся назад, к началу письма, сопровождавшего объявление об упражнениях, просмотрел различные письма Проспери, встречу Проспери и Санторо с папой, аудиенцию Святейшего Отца со всем Движением, упражнения прошлого года. Я увидел, что радикальность требуется от нас не как обязанность, а как максимальное и полное присоединение, поскольку на нем держится вся моя жизнь и способность преодолевать любое возражение и конформистское препятствие, доходя до сути проблемы. Вот что от нас требуется и вот что важно в жизни. И нужно отдавать это в полной и совершенной радости. После озлобленности и протеста я ощутил радость и благодарность. И хотя физически я не могу быть в Римини, я жертвую ту малость, какой являюсь, ради славы Божией и ради единства Движения».

Действительно, порой бешеный ритм жизни, комфорт, к которому мы привыкли, или же те или иные ограничения, связанные, например, с возрастом, смиряют нас с тем фактом, что в нас угас первоначальный порыв, благодаря которому притягательность идеала всегда затмевала любой расчет. Мы словно утратили подход, человеческую позицию, когда-то позволявшие нам отправляться в долгое и утомительное паломничество, ничего не подсчитывая, рискуя, поскольку слишком насущными и неотложными были вопросы, которые мы хотели вверить в руки Господа. И все же мы сегодня здесь, и это свидетельствует о том, что порыв, родившийся в сердце от встречи со Христом, не погребен. Более того, несмотря на груз проблем, сложностей, радостей и горестей, пламя вовсе не потухло.

Нас в Римини на упражнения собралась двадцать одна тысяча человек. Друзья из двадцати одной страны подключились в своих общинах к трансляции. В ближайшие недели еще в семидесяти странах будут смотреть запись. Упражнения синхронно переводятся на шесть языков. Кроме того, около трех тысяч человек участвуют в них дистанционно, из дома, поскольку испытывают сложности с передвижением. Таковы масштабы наших упражнений. Приведенные цифры превысили наши ожидания, нас больше, чем было до пандемии! Нам даже пришлось просить секретариат о дополнительной работе, чтобы все смогли участвовать, насколько это возможно, вплоть до последнего. Спасибо за это!

Должен вам признаться, я по-настоящему растроган. Тема упражнений в этом году – надежда. И вот первый знак надежды – народ, который живет и желает жить, желает конкретным образом переживать опыт единства, того единства, о каком просил нас Святейший Отец в письме от 30 января.

Как вы знаете, Юбилей 2025 года также будет посвящен надежде. Поэтому давайте переживать дни упражнений как шаг навстречу этому событию. Я всегда слышал в словах Иисуса, обращенных к богатому юноше («Пойди, продай имение твое, оставь все и следуй за Мной»¹) призыв к надежде. Как ни парадоксально, часто мы видим, что самая большая преграда для опыта истинной надежды возникает в жизни, когда мы возлагаем нашу надежду на то, чем владеем, на то, что у нас уже имеется, на вещи. Иеремия говорит: «Проклят человек, который надеется на человека и плоть делает своею опорой, и которого сердце удаляется от Господа. Он будет как вереск в пустыне и не увидит, когда придет доброе, и поселится в местах знойных в степи, на земле бесплодной, необитаемой»². Название упражнений отсылает как раз к этой трудности: Сам Бог удивляется, ведь чем дальше, тем, кажется, сложнее надеяться. Именно поэтому мы нередко пытаемся заглушить вопль бесконечности, вырывающийся из нашего сердца, заполняя последнее ожиданием мелких вещей, чтобы избавиться от пустоты, от отсутствия надежды, которые мы замечаем в себе. И эта проблема касается не только неверующих, она есть у всех, в том числе и у нас. В некотором смысле она представляет собой драматичный симптом тяжелейшего недуга нашего времени.

Тема надежды, как многие помнят, не нова. В 2021 году упражнения, прошедшие из-за пандемии дистанционно, назывались «Есть ли надежда?»³. Почему же мы вновь предлагаем ее спустя такое недолгое время? По двум причинам. Во-первых, весь предыдущий год мы работали над темой веры и сейчас хотим продолжить путь более глубокого рассмотрения богословских добродетелей в свете учения отца Джуссани. Во-вторых, потому что вопрос стал, если это возможно, еще более драматичным. Мы не чувствуем себя «сомнамбулами», как говорится в послед-

¹ Ср. *Мф.* 19:21; *Мк.* 10:21.

² *Иер.* 17:5–6.

³ Х. Каррон. *Есть ли надежда? Увлекательное открытие.* Братство «Общения и освобождения», 2021.

немотчете итальянского института социально-экономических исследований «Censis» об актуальной ситуации. Не чувствуем мы себя и лучше других. Мы признаем, что идем по дороге, приучающей нас не занимать неразумную позицию бегства от реальности, которая часто представляется единственным противоядием от отсутствия надежды. И поэтому мы спрашиваем себя: можно ли по-прежнему надеяться в нашем мире, в условиях продолжающихся войн, насилия и разрушений, в океане зла, где наш плот, кажется, с трудом держится на плаву? Вот вопрос, с которым нам предлагается живо вступить в эти дни: можно ли еще обоснованно надеяться?

Прежде чем передать слово монсьёру Джованни Паккози, принявшему приглашение дьяконии Братства и согласившемуся проповедовать на наших упражнениях (за что мы благодарим его), позвольте мне в нескольких словах представить его тем, кто с ним еще не знаком. Отец Джованни – епископ епархии Сан-Миниато в Тоскане и член центральной дьяконии Братства (он отвечает за пастырский регион Латинской Америки, где, кстати, провел много лет как священник-миссионер; если быть точным, он жил в Перу).

Почему мы выбрали его? В последние годы своей жизни отец Джусани просил разных ответственных Движения проводить упражнения – самое важное событие в жизни Братства. Именно этого метода мы хотели бы придерживаться сейчас в русле преемственности с нашей историей, за которую мы благодарны. Итак, на отца Джованни и других, кто последует за ним, возложена ответственность за проповедь упражнений как выражение общинного руководства Движением.

Позвольте мне еще раз поблагодарить отца Мауро Лепори, проповедовавшего на духовных упражнениях последних двух лет, которые были очень важны и ценны на непростом этапе нашего пути. Я также благодарю его за то, что он здесь с нами и отслужит первую мессу этих упражнений в подтверждение продолжающейся великой истории дружбы и общения.

Наконец, еще один знак нашего общения в единстве со всей Церковью – присутствие Его Высокопреосвященства кардинала Фаррелла, который и в этом году участвует в упражнениях и которого я уже сейчас благодарю. Завтра он будет с нами и отслужит святую мессу.

И последнее слово об образе, сопровождающем тему упражнений. Его предложил отец Джованни. Это деталь скульптурной композиции «Посе-

щение Пресвятой Девой Марией Елисаветы» Луки делла Роббиа⁴. Богоматерь предстает в виде юной девушки, чье милое, решительное и одновременно умиротворяющее лицо сразу же приковывает наш взгляд. На четырех стеклянных панелях, окружающих могилу нашего отца Джуссани, мы читаем его воззвание: «О Богородица, Ты залог нашей надежды!» В начале упражнений попросим Ее, «упования живой родник», сопроводить нас на пути этих дней.

Монсеньор Джованни Паккози. Всем добрый вечер! Благодарю за приглашение: несмотря на то, что подготовка к упражнениям стала дополнительным вызовом для меня, она углубила мою благодарность за эту историю. Я хотел бы сказать несколько слов на двух языках. Во-первых, на флорентийском диалекте: я самый обыкновенный *bischero*, болван, и только в силу этой истории для меня, как, думаю, для всех вас, надежда – не просто звук, а реальность, которой я живу ежедневно. Во-вторых, обращусь по-испански ко всем моим друзьям в разных концах мира: «*Quisiera saludar a mis amigos hispanohablantes porque, sin la belleza del carisma que nos ha alcanzado, no podríamos estar tan llenos de alegría y de esperanza. No podríamos estar así, con la mirada llena de gozo, en medio de un mundo que parece que se desmorona por todos los lados, pero con la alegría y la fuerza para construir un pedazo de mundo nuevo. En estos dos días tratamos de ir al origen de nuestra esperanza*» [Приветствую моих испаноговорящих друзей, потому что без красоты достигшей нас харизмы мы не смогли бы быть исполнены радости и надежды. Мы не смогли бы быть такими: с глазами, горящими радостью, в мире, где, кажется, все рушится, с радостью и силами, позволяющими созидать кусочек нового мира. В эти два дня попробуем вновь дойти до истоков нашей надежды].

⁴ Лука делла Роббиа. *Посещение Пресвятой Девой Марией Елисаветы*. Деталь. Глазурованная терракота, ок. 1445. Церковь Сан-Джованни-Фуорчивитас, Пистойя, Италия.

Неудержимое стремление к самореализации, естественное желание счастья

«Надежда не ходит совсем одна. Чтобы надеяться, дитя мое, надо быть очень счастливой, надо получить, принять великую благодать»,⁵ – говорил Пеги во «Вратах мистерии о второй добродетели», откуда мы и взяли тему наших упражнений. Именно надежду мы хотели бы рассмотреть. И мы сделаем это, следуя за мыслью отца Джуссани, которую он оставил нам прежде всего в двух текстах: «Можно ли жить так?» и «*Si può (veramente?!) vivere così?*» («Можно ли (действительно?!) жить так?»)⁶.

В книге «Можно ли жить так?» он утверждает: «Великая благодать... вселяет уверенность в настоящее, в которое посажено странное семя, вырастающее на следующий день в надежду. „И в душах расцветает на вечный день надежда“»⁷.

Надежда дарует нашей бедной жизни бесконечную, вечную перспективу. На это указывает символ якоря, который христианская иконографическая традиция всегда использовала для обозначения надежды. Он происходит от фразы из Послания к евреям, которая гласит: «Надежда – прочный и крепкий якорь для нашей души, она проникает за ту храмовую завесу, за которую вошел прежде нас Иисус»⁸. Иерусалимский храм был для евреев местом, где Бог обитал посреди Своего народа. Итак, надежда вводит нас в обитель, в вечное, бесконечное измерение Бога. Автор Послания к евреям использует не образ камня, скалы, а образ якоря, потому что надежда не устраняет бури, а утверждает незыблемую, не сдающуюся им точку опоры. Волны жизни могут бросать нас из стороны в сторону, но сметать нас. В 2013 году папа Франциск говорил в проповеди в Доме

⁵ Ш. Пеги. *Избранное: Проза. Мистерии. Поэзия*. М.: Русский путь, 2006. С. 274.

⁶ Л. Джуссани. *Можно ли жить так? Особый подход к христианскому существованию*. М.: Духовная библиотека, 2007; L. Giussani. *Si può (veramente?!) vivere così?* Milano: BUR, 2011.

⁷ Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 161.

⁸ *Евр.* 6:19–20. Пер. А. Десницкого.

святой Марфы: «Надежда – якорь, якорь, закрепленный на берегу потустороннего мира. Наша жизнь подобна движению вдоль каната к этому якорю. Но где брошен наш якорь?»⁹ Давайте спросим себя об этом! На чем основана наша надежда? Как якорь крепко удерживает корабль на месте даже в бушующем море, так, по словам Шарля Пеги, и маленькая надежда держит веру и любовь. Она мала, но именно благодаря ей можно идти вперед.

Августин утверждал, что человек не сделал бы и шага, не будь он уверен в цели. Надежда – якорь, закрепленный в потустороннем мире и ведущий нас к судьбе, к полноте, до которых мы не в состоянии дойти в одиночку.

Прочитаю строки Пеги, выбранные нами в качестве темы, а также и те, что обрамляют их: «Но надежда, – говорит Бог, – вот что Меня приводит в удивление. / Даже Меня. / Тут есть чему удивляться. // Что эти несчастные дети видят, как идут дела, и все-таки они надеются, что завтра дела пойдут лучше. / Что они видят, как идут дела сегодня, и все-таки надеются, что дела пойдут лучше с завтрашнего утра. / Это удивительно, и здесь, пожалуй, самое великое из чудес Нашей благодати. / И Я Сам не перестаю удивляться. / И отсюда следует, что сила Моей благодати и впрямь невероятна. / И что она струится из своего источника, как поток неистощимый. <...> / Какой же должна быть Моя благодать, какой должна быть сила / Моей благодати, чтобы эта малая надежда, что меркнет от дуновения греха, что трепещет под всеми ветрами, что обмирает от малейшего веяния, – была такой неизменной, блюла себя такой верной, такой прямой, такой чистой; и непобедимой, и бессмертной, и такой, что загасить ее невозможно...» «Что приводит Меня в удивление, – говорит Бог, – так это надежда. / Я ее не понимаю. / Эта надежда, немудрящая с виду. / Эта девочка надежда. / Бессмертная»¹⁰.

Давайте и мы позволим себе удивиться (раз удивляется Сам Бог!), ведь кажется, почти невозможно рассуждать о надежде без той горечи, которая каждый раз поднимается из нашего нутра, когда мы говорим: «Надеемся!»; рассуждать о надежде сегодня – в мире, охваченном войной, в обществе, более не взирающем на Христа, и с сознанием о нашем собственном грехе.

⁹ Франциск. *Незнакомая надежда. Утреннее размышление в Доме святой Марфы*, 29 октября 2013 г.

¹⁰ Ш. Пеги. *Избранное...* С. 272, 270.

Она, однако, по словам Пеги, зависит не от нас, а от источника, из которого она струится, «как поток неистощимый», от той мощной силы, которая принадлежит не нам, которая вся Его, от Его благодати, достигающей нас ныне во Христе, происходящем вновь сейчас. Якорь брошен в потустороннем мире, но потусторонний мир вышел нам навстречу, посмотрел на нас и призвал нас в эту историю.

Уже в том, что мы собрались сегодня вечером; в том ничуть не самоочевидном факте, что нас здесь много, и ради этого пришлось принести все необходимые жертвы; в музыке, в песнях, в лицах этой компании, знакомых много лет и новых, *совершается* иной исток («поток неистощимый») – не мы и не я, исток, обновляющий надежду на перемену, на дуновение новой жизни, которое коснется сухих костей нашего бесплодия. Помните тридцать седьмую главу Книги Иезекииля? «И сказал мне: сын человеческий! Оживут ли кости сии? Я сказал: Господи Боже! Ты знаешь это»¹¹. Мы здесь ради этой надежды: чтобы Другой, происходящий здесь и сейчас, позволил нам ожить.

Бог удивляется нашей надежде, потому что надеяться не просто, это не что-то очевидное. Боль, смерть – весомые возражения против надежды (непосредственно перед только что процитированными словами Пеги говорит о молитве отцов, потерявших своих невинных детей). Мы не в состоянии породить ее сами. Она потому и называется «богословской добродетелью», что дарована Богом, является благодатью. Она происходит, и мы здесь, потому что Христос произошел в нашей жизни. Тут мы видим связь с верой, в размышлении о которой в прошлом году сопровождал нас отец Лепори.

То, что покорило нас, когда Христос впервые «произошел» в нашей жизни, когда случилась первая встреча и когда она повторяется сегодня, покорило и покоряет нас в силу мгновенного признания с нашей стороны. Наше сердце признает это! Согласно Катехизису Католической Церкви благодать прививается к «естественному желанию счастья. Это желание – божественного происхождения; Бог вложил его в сердце человека, чтобы привлечь его к Себе – Единственному, Кто может удовлетворить его»¹². Блаженный Августин так говорит о нем: «Все мы, несомненно, жаждем быть счастливыми, и нет никого в роде человеческом, кто не согласится

¹¹ *Иез. 37:3*. См. всю главу.

¹² *Катехизис Католической Церкви*. П. 1718.

с этим утверждением даже прежде, чем оно будет раскрыто во всей своей важности»¹³. Так ли это сегодня для меня, для тебя? «Хочет ли человек жить и любит ли долгоденствие, чтобы видеть благо?»¹⁴ Таким было название Митинга 2003 года, предложенное отцом Лепори и отсылающее к прологу Устава Бенедикта, в котором святой поднимает этот вопрос как отправную точку в решении стать монахом.

Отец Джуссани помогает нам не перешагивать с поспешностью через это утверждение Катехизиса и всей христианской традиции, словно речь об очевидной предпосылке, и не переходить сразу же к составлению богословских трактатов о надежде. Наши упражнения не будут богословским трактатом о надежде, рассказывающим об учении, которое содержится в Священном Писании, в трудах отцов Церкви и в богословских размышлениях. Сегодня, здесь, на упражнениях, говоря о надежде, мы начнем с естественного, человеческого измерения. С педагогической точки зрения, отец Джуссани говорит о надежде как о свершении чего-то, что уже настойчиво звучит в нашей жизни, – *желания*, которое образует нас, людей, по природе, «естественного [врожденного] желания счастья, как описывает его Катехизис. Мы обнаруживаем его в себе, желание быть счастливыми, оно девиз нашей природы, желающей и ожидающей свершения, хотя сама она и не способна его себе дать. Итак, давайте посмотрим, как устроено обетование, на котором зиждется наше пребывание в мире здесь и сейчас.

Сердце человека – обетование

В небольшом тексте, написанном в 1961 году и переизданном в 1997-м в книге «*Porta la speranza*»¹⁵, озаглавленном «От надежды – к полноте радости» (этот текст будет сопровождать нас дни упражнений), отец Джуссани так подводит к теме надежды: «Человек черпает знание о себе и о своей судьбе из данности вещей, из данности собственного существования [это утверждение нам хорошо знакомо по последним месяцам размыш-

¹³ Sant'Agostino. *De moribus Ecclesiae catholicae*. 1, 3, 4: CSEL 90, 6 (PL 32, 1312).

¹⁴ Ср. *Пс.* 33:13; *Устав св. Бенедикта*. Пролог.

¹⁵ L. Giussani. *Dalla speranza alla pienezza della gioia* (1961) // *Porta la speranza. Primi scritti*. Genova: Marietti 1820, 1997. P. 155–162. См. также: L. Giussani. *Realtà e giovinezza. La sfida*. Milano: Rizzoli, 2018. P. 139–146.

лений над «Религиозным чувством»¹⁶: мы понимаем, кто мы, в опыте]. Вот первый признак человека: он возникает как неудержимое стремление к самореализации»¹⁷.

Из опыта – объективной данности – каждый из нас узнает, что родился, что был запущен в жизнь «как неудержимое стремление к самореализации». Таков первый признак, первая характерная черта человека: его определяет это стремление, оно движет каждым его поступком. Отец Джуссани продолжает: «В самых необузданных инстинктах и в банальном желании устроиться поудобнее, равно как и в благороднейших порывах совести и в высочайшем полете мысли „деятельная сила утомляет нас от движения к движению“ (Фосколо); „как бы ужаленные шпорой“ (Леопарди), мы движемся к осуществлению собственного изначального семени, неустанно раскрывая его смысл и плодотворность. „Реализация себя“»¹⁸.

Менее сознательные жесты, жесты, которые поступками и не назывешь, подстегивает та же «шпора». Отец Джуссани (это хорошо видно по ранним его текстам) использует чрезвычайно лаконичный, завораживающий язык. Выражение «необузданные инстинкты» включает в себе всю гамму сознательных, а часто и почти неосознанных попыток реализовать самих себя в пылу инстинкта.

«Банальное желание устроиться поудобнее» подразумевает, если вдуматься, поиск удовольствия любой ценой, потребность в преуспевании и в том, чтобы его было видно со стороны. Эта потребность выражается, например, в маниакальном стремлении публиковать в соцсетях фотографии путешествий и еды, словно в них воплощается желаемое, но неизменно иллюзорное счастье.

Буквально на днях я прочитал пару статей об одной книге¹⁹ (не думаю, что важно упоминать ее название), которая разъясняет, почему так легко поддаться соблазну онлайн-игр или проводить большое количество времени в соцсетях. В ней говорится о «*нетле дефицита*» и описывается идея Си (Уильяма) Редда, американского предпринимателя, который сначала разбогател на установке пинбола и музыкальных автоматов, а затем компьютеризировал слот-машины. «Редд инстинктивно распоз-

¹⁶ Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. М.: Христианская Россия, 2004.

¹⁷ L. Giussani. *Porta la speranza...* P. 155.

¹⁸ *Ivi*.

¹⁹ M. Easter. *Mai abbastanza*. Milano: Roi Edizioni, 2024.

нал мощную особенность человеческого разума. Действия, которые мы совершаем в быстрой последовательности, от азартных игр до переедания... обусловлены „петлей [замкнутым кругом] дефицита“²⁰. В другом месте говорится: «Этот порочный круг – настоящий триггер [катализатор, стимул], запускающий мышление [менталитет, позицию] дефицита, которое соблазняет нас мелкими сиюминутными вознаграждениями, как те, что мы получаем в соцсетях: каждое полученное уведомление, будь то „лайк“, комментарий или личное сообщение, приносит острые ощущения, сравнимые с неуверенностью при прокручивании барабанов слот-машины. Простое пролистывание ленты затягивает нас в непрерывный цикл поиска эмоций: счастья, грусти, раздражения, возмущения, зависти или удивления [и наше желание, устремленное к бесконечному, остается закрытым в самом себе]. Непрерывный компульсивный скроллинг [вертикальная прокрутка] ведет к быстрому и практически бесконечному повторению, в результате которого мы не отрываемся от экрана в ожидании следующей волны эмоциональных стимулов. Таким образом соцсети создают петлю предвкушения и реакции, которые подпитывают сами себя, держа пользователей в постоянном ожидании и желании получить социальное одобрение»²¹.

Я обратился к этому феномену, поскольку он, как мне кажется, помогает понять, с какой легкостью и мы попадаем в такие замкнутые круги, которые начинаются с подлинного желания, но в результате никуда не приводят, вращаются вокруг своей оси и делают нас более опустошенными, чем мы были раньше. Так происходит не только в компьютерных играх или соцсетях. Не узнаем ли мы все себя хотя бы отчасти в этих строках?

Отец Джуссани помогает нам признать, что даже эти петли, с которыми (скажем прямо) мы все вынуждены считаться, и в нас и в других людях представляют собой пусть редуцированные (и пагубные), но все же способы выражения нашей человечности, и движет нами та же жажда самореализации, что лежит в основе высочайших мыслей или самых благородных порывов нашего сердца. Мы так созданы: неизменно устремленными к собственному свершению. Мне кажется, важно, что отправная

²⁰ A. D. Signorelli. *Mai Abbastanza, il libro che spiega come la tecnologia ci faccia desiderare sempre di più // repubblica.it*. 2 aprile 2024.

²¹ L. Tedesco. *Cos'è il loop della scarsità, che ci fa desiderare ciò che non ci serve // wired.it*. 22 marzo 2024.

точка – наша человечность, созданная Богом, чтобы мы могли прийти до Него. Мы не должны ее отрицать. Но подробнее об этом завтра.

В тексте 1961 года отец Джуссани продолжает: «Этот изначальный порыв выражает основополагающий феномен: *жажду, желание*. Основополагающий феномен, воспламеняющий и подталкивающий в пространство реальности каждое наше действие. Безусловный и неизбежный, феномен желания есть... *обещание исполнения*. Обещание – тоже факт, и желание подтверждает, что обещание – факт, лежащий у истоков всего человеческого события»²². Мы видим это в самих себе. Мы созданы как желание. Вспомним пятую главу «Религиозного чувства», которую мы читали в последние недели: «„Как велика мысль, что воистину *ничто не дано нам как должное*. Кто-нибудь нам что-то обещал? Так почему же мы ждем?“ Может быть, он [Павезе] не подумал, что ожидание – это сама структура нашей природы, сущность нашей души. Оно не расчет – оно нам дано. *Обетование* стоит у истоков, происходит из самих истоков нашего естества. Сотворивший человека сотворил его „обетованием“. *По структуре своей* человек ожидает; по своей структуре он просящий; жизнь по своей структуре – обетование»²³.

Мы хорошо знаем (об этом несколько недель назад на конференции в Реканати напомнил и Давиде²⁴) о глубокой симпатии отца Джуссани к Леопарди, которого целиком и полностью определяло как раз неукротимое желание полного удовлетворения, и опыт недостаточности вещей не останавливал это желание, а, напротив, углублял.

В книге «*Si può (veramente?) vivere così?*», в разделе о надежде, отец Джуссани посвятил Леопарди замечательные страницы, озаглавленные цитатой: «Сжималось сердце так же, как теперь»²⁵, и думаю, важно потом перечитать их дома полностью. «Хочу привести в пример человека, по которому ясно видно, что надежда – человеческое слово, и она обретается там, где есть желание и где человек надеется удовлетворить его. <...> Я говорю об опыте Леопарди... в силу человеческого масштаба его свидетельства. <...> Она – жизнь Леопарди – доказывает, что христианская

²² L. Giussani. *Porta la speranza...* P. 155.

²³ Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 62.

²⁴ *Cara beltà. Un pensiero sorgivo in Leopardi e Giussani*. Диалог с президентом Братства «Общения и освобождения» Давиде Проспери в Культурном центре им. Леопарди. Реканати, 23 марта 2024 г. *clonline*.

²⁵ L. Giussani. *Si può (veramente?) vivere così?* P. 323–340.

надежда – человеческое слово»²⁶. Посмотрим в лицо факту: мы сотворены как бесконечное желание.

Об этом опыте писал сам Леопарди: «Неспособность удовлетворяться чем бы то ни было земным и даже, так сказать, самой жизнью на земле, это умение охватить взглядом необозримое пространство космоса и сказочное множество миров и найти все это бесконечно малым по сравнению с необъятностью собственной души, этот дар воображения, позволяющий представить себе бесконечность мироздания и при этом ощущать, что наш дух и наши желания еще неизмеримей, чем вселенная, эти постоянные жалобы на пошлость и ничтожество и страдание от чувства пустоты – одним словом, такая скука [для кого-то она ужасна, но Леопарди говорит иначе] кажется мне высшим проявлением величия и благородства, на какое только способна человеческая природа»²⁷. Благородство человека на фоне всего остального творения для Леопарди выражается именно в этом противоречии, в драматичной невозможности найти то, что отвечало бы широте желания, из-за которой «все бесконечно мало по сравнению с необъятностью собственной души». В этом проявляется «возвышенное чувство», «тайна вечная земного бытия»²⁸, поскольку даже «трагедия повседневного противоречия подобна почве, на которой происходит превознесение человека: человек превозносится»²⁹.

Вершины же этого благородства Леопарди достигает, когда он, хотя и утверждает идеологически ничто как последний горизонт, не может замолчать томительное желание.

Завершу отсылку к Леопарди еще одной цитатой отца Джуссани: «Даже в противоречивом опыте, который она порождает, реальность превозносит душу человека, и в превознесении этом рождается мечтательное дыхание, господствующее над всей его жизнью. „Нет“, рождаемое от противоречия, – ответ ума, сердце же есть томительная жажда, а не „нет“»³⁰.

В тексте 1961 года отец Джуссани утверждает, что признание структуры обещания нашей жизни, которое динамично выражается в желании,

²⁶ *Ibidem*. P. 324.

²⁷ Дж. Леопарди. *Мысли. LXVIII // Нравственные очерки. Дневник размышлений. Мысли*. М.: Республика, 2000. С. 364.

²⁸ Дж. Леопарди. *К портрету красавицы, изваянному на ее надгробии*. Пер. В. Ф. Помяна.

²⁹ L. Giussani. *Si può (veramente?) vivere così?* P. 330.

³⁰ *Ivi*.

доверие к нему «закладывают основу непреходящей симпатии к собственному существу и к жизни и, следовательно, делают возможным внимание к самим себе, порождают то „чувство самих себя“, которое не есть простая осознанность, но что-то более насыщенное: любовное признание судьбы, исполненной ценности»³¹.

От симпатии к самим себе до молитвы просящего

Вчера я получил свидетельство, из которого процитирую вам несколько строк. Преподаватель рассказывает, что на ужине с учениками по случаю окончания года одна девочка, которая всегда казалась ему несколько отстраненной, после прослушивания «Капли» Шопена и чтения комментария к ней отца Джуссани сказала ему: «Я с самого раннего детства думала, что внутри меня что-то не так, и ощущала беспокойство, тревогу. Я была замкнутой, часто плакала, а по ночам никак не могла заснуть. Но после того занятия беспокойство, которое я чувствовала, больше не причиняет мне боли, не пугает меня, потому что есть кто-то, кто описывал их так, жил ими так. Эта капля, эта кажущаяся пытка – не несчастье, а желание счастья. С тех пор я мирно засыпаю каждую ночь». Преподаватель продолжает: «Потом она призналась, что сделала татуировку в виде капли, чтобы навсегда запомнить тот момент».

Такая человеческая личность, полная достоинства и осознания судьбы и широты собственного желания, которые подталкивают к бесконечному горизонту, напоминает мне об одной великолепной статуе XVII века, вероятно, исполненной севильским скульптором Хуаном Мартинесом Монтаньесем, которая находится в изумительной ризнице иезуитской церкви в Лиме, в Перу, где я прожил много лет. Она изображает Игнатия Лойолу. Тех, кто ее видел, поражает взгляд святого, устремленный к далекому горизонту, по ту сторону всего, но в то же время выражающий решимость искателя приключений, а не мечтателя. Увидев ее, я подумал: «Вот подлинный образ христианина, чей взгляд устремлен к бесконечному горизонту». Поразителен этот взгляд, горящий желанием запредельного и одновременно всецело конкретный, почти как у воителя. Но кто может поддерживать в себе такую чистоту и такую конкретность, не получив *великую благодать*, не узнав, как

³¹ L. Giussani. *Porta la speranza...* P. 155.

святой Игнатий во встрече со Христом, что существует ответ сердцу, исполненному ожидания великих вещей?

Сегодня, здесь, в начале наших упражнений, мы благодарны Иисусу за то, что Он вышел нам навстречу и воскресил нашу надежду, вырвал нас из замкнутого круга, в котором мы укрылись, и мы, подобно святому Игнатию, можем смотреть на нашу человечность, томящуюся желанием собственного свершения, мы можем смотреть на нее с симпатией, с «любовным признанием великой судьбы», как говорил отец Джуссани, к которой Бог призвал нас, даровав нам жизнь и сердце, горящее желанием.

Тем не менее мы так слабы. Не знаю, читали ли вы на экранах комментарий отца Джуссани к музыкальному фрагменту Шуберта, который звучал во время входа в зал. В нем как раз говорится о нашей слабости. Надежда есть надежда нищего, говорит он. Мы прекрасно знаем: стоит нам на миллиметр отойти от Христа, стоит нам на миллиметр отойти от Его присутствия в Церкви, от компании, родившейся благодаря харизме отца Джуссани, и мы становимся жертвами подспудного нигилизма (об этом мы поговорим завтра), который проникает в нас, как загрязненный воздух, замутняя ясность желания, как балласт, низводящий нас до «необузданных инстинктов» или до «банального стремления устроиться поудобнее». Он влечет за собой подспудную самонадеянность, представляющую как неуверенность и сомнение: в отношении нас самих и, что еще хуже, в отношении человеческой реальности Христа. Нам кажется, что мы в ней уже не нуждаемся и что Он не в состоянии ответить на наше ожидание.

В письмах, которые вы прислали мне, кто-то также говорил о надежде на Бога с долей скептицизма: «Я желаю этого так давно, когда же Бог мне ответит?» – словно мера Бога совпадает с нашей мерой. Такое суждение мы порой выносим о Боге, и в результате отдаляемся от Него, судя на основании желания, сведенного к мере. Мы можем, сами того не замечая, отступать от конкретного предложения в настоящем, а значит, от нашей компании, от Движения и даже от папы, возглавляющего Церковь. И такое случается! Однако, поступая так, мы теряем великую благодать, которую получили, и остаемся с нашим умаленным желанием, не в состоянии распахнуть горизонты. Мы уже не ассоциируем себя с тем, кто ведет нас, и так, миллиметр за миллиметром, отрываемся от конкретного, исторического, объективного присутствия Иисуса. Благо-

дать струится из этого источника и достигает нас сегодня в Церкви, но такое умаление самих себя и осознания безмерности нашей нужды отнимает у нас простоту присоединения.

По моему опыту ответственного за Латинскую Америку я вижу, что, напротив, те, кто живет, рискуя в жизненных ситуациях, кто страдает от множества лишений, испытывают более ясное желание полноты, без «если» и без «но», и у них нет времени и охоты собираться вместе, чтобы осуждать папу или Движение. Они их любят в простоте и с благодарностью – не потому, что наивны, но в силу глубокого осознания того факта, что они не способны сами разрешить свою нужду. Они прилепляются к «великой благодати», умоляя о ней ежедневно. Они следуют, словно молятся, а точнее, они молятся, следуя, потому что нуждаются в этом, чтобы жить, и так переживают надежду, расцветающую в невозможных, казалось бы, обстоятельствах. Действительно, надежда начинается заново каждый день как молитва. Когда мы в простоте признаем, что нас наполняет безграничное желание, молитва вспыхивает в нас как наиболее человеческое выражение ожидания, что Другой исполнит обещанное. Это молитва, очищенная от притязания на то, чтобы установить, как именно Тайна должна отвечать на наш крик, молитва бедняков, нищих духом.

В 2008 году, когда вышла в свет книга «Uomini senza patria» («Люди без родины»), я остался под глубоким впечатлением от страницы, на которой отец Джуссани образно описывает, что значит *молитва нищего духом*. Хочу прочитать ее, чтобы она сопровождала нас сегодня ночью и помогла вступить в эти дни в правильной, единственной истинной позиции – в позиции просящих. Вот что он говорит: «Нищий духом (вы должны представить себе человека с открытым ртом и распахнутыми глазами, глядящего на небо и на землю в изумлении, ошеломленного, всем своим видом говорящего о его открытости): это человек, у которого ничего нет. <...> Нищий духом – тот, у кого нет ничего, кроме того, ради чего и из чего он сделан: бесконечного устремления. Вот что такое открытость и готовность: беспредельное ожидание. Ожидание беспредельно не потому, что нет конца череде ожидаемых вещей [пролистывание наших телефонов или наши проекты]. Нет, он не ждет ничего и живет беспредельной открытостью, и не ждет ничего! <...> Как если бы мы представили [именно эта картина запала мне в память] на том лугу [Джуссани со студентами был на встрече в Доломитах] нищего духом. Мы должны представить себе, как он сидит там, раскинув ноги, задрав голову, и смотрит на небо,

на землю, на горы и на все, его сердце полностью расширено, и в его мыслях не мелькает: „Я хотел бы кров, хотел бы дом, хотел бы жену, хотел бы детей, хотел бы денег“. Ничего, у него нет ничего! Такова самобытность человека, и самобытность человека – в ожидании бесконечного»³². Он не выстраивает никаких образов самого себя. И нищий этот – мы с вами!

Сегодня вечером мы должны кричать, умолять о такой совершенной простоте, чтобы вновь осознать, что мы чистое ожидание, чтобы ощутить себя радостными и уверенными в том, что мы по благодати оказались на пороге надежды, которая не обманывает, ощутить себя нищими, обращающимися к Нему с мольбой. Поэтому и сейчас и в ближайшие дни давайте стремиться к молчанию как к великой данной нам возможности – умолять Того, Кто глубоко любит нашу человечность, Кто сотворил нас как желание Его, чтобы Он исполнил нас Своей благодати.

³² L. Giussani. *Uomini senza patria (1982–1983)*. Milano: BUR, 2008. P. 298.

СВЯТАЯ МЕССА

Литургия Слова: Деян. 5:34–42, Пс. 26; Ин. 6:1–15

**ПРОПОВЕДЬ ОТЦА МАУРО ДЖУЗЕППЕ ЛЕПОРИ,
ГЕНЕРАЛЬНОГО НАСТОЯТЕЛЯ ОРДЕНА ЦИСТЕРЦИАНЦЕВ**

«Иисус взошел на гору и там сидел с учениками Своими». Все мы здесь потому, что так или иначе Иисус увлек нас за Собой на высоту, в уединенное место, чтобы мы могли сидеть рядом с Ним, слушать Его, проникаться Его присутствием, Его дружбой, замечать, какое удовольствие Он испытывает от общения с нами, а мы – с Ним. Замечательно остановиться и сосредоточиться на Иисусе, на Его присутствии среди нас, таком простом – как когда компания друзей усаживается вместе. Замечательно остановиться и послушать Его, услышать Его речь, услышать Его слова вечной жизни, вновь зажигающие в нас желание полноты, желание жизни, переливающейся через край, как жизнь Бога. Замечательно обнаружить, что мы одинаково тянемся к Нему, чувствовать, что благодаря любви Христовой нам хорошо вместе, она делает нас друзьями, соединяет нас. Мы все Его, и именно поэтому мы все принадлежим друг другу, нас связывают узы более прочные, более вечные, чем любая дружба и любое родство. В той группе некоторые были друзьями еще до встречи с Иисусом: среди них были братья, как Петр и Андрей, Иаков и Иоанн. Их дружба, их родство в пребывании рядом со Христом углубились, были открыты заново, вырваны из инстинктивности, предсказуемости, замкнутости в человеческой ограниченности.

И куда же их вело, какой смысл имело удовольствие быть с Ним наедине? Куда ведет нас и какой смысл имеет тот факт, что мы собраны здесь вокруг Христа, чтобы смотреть на Христа, слушать Христа, любить Христа? Куда ведет нас предпочтение Иисуса?

Мы понимаем это с той же простотой, с какой мы кротко последовали за Ним, когда Он отделился от толпы и повел нас в уединенное место. Мы понимаем это с той же простотой, с какой мы уселись с Ним в круг. Мы понимаем это, слушая Его, мы понимаем это, смотря на Него, мы понимаем это, открываясь в нищете сердца, то есть с благодарностью, перед событием, каким является Он, каким является Его личность, каким является Его слово. Мы понимаем это, пристально глядя Ему в лицо.

«Иисус возвел очи и увидел, что множество народа идет к Нему». Мы смотрели на Него, благоговей перед Его красотой, перед соответствием Его лица желанию красоты и добра, наполняющему наше сердце. И вот мы видим, как Он поднимает взгляд, обращает его поверх наших голов, в сторону горизонта. Инстинктивно мы оборачиваемся, чтобы вместе с Ним посмотреть за пределы нашей маленькой группы, за пределы того, как нам хорошо с Ним и друг с другом. Вместе с Ним мы видим множество народа.

И тогда возникает искушение почувствовать беспокойство, раздражение. Какое отношение толпа имеет к тому, что нам хорошо со Христом? Какое отношение имеет ее шум к тому, что мы в молчании слушаем Его? Какое отношение имеют все человеческие горести к блаженному созерцанию Господа?

Но Его взгляд непреклонен, как непреклонно Его сострадание, сострадание, достигшее и нас, однажды взглянувшее на нас, как сегодня Он смотрит на приближающуюся толпу – на все человечество.

Наше пребывание с Ним, вся красота, которую мы с Ним переживаем, не упраздняются, не отрицаются, но обретают смысл, направление, задаваемые Его взглядом. Ничто не упраздняется в дружбе и в предпочтении, которые Он дарует нам, к которым Он призывает нас: и дружба, и предпочтение бесконечно широки, они объемлют все и всех. Так мы постигаем, на опыте понимаем, что такое сердце Бога, из чего оно соткано, каково оно. Глубочайшая сокровенность Его сердца – вселенское объятие. Сокровенная близость, которую Христос устанавливает со мной, тем истиннее, глубже и реальнее, чем больше она объемлет все, всех. Он привлекает меня к Себе, к Своему сердцу, и именно поэтому я не ухожу от мира, но проникаю в него до глубины, до самых концов земли. Сердце Христа, сердце Бога, являемое взглядом Христа, – мило-сердце, которое, привлекая к Себе, связывает нас со всеми в движении пламенной любви к человечеству, уже не знающей границ, не знающей моих ограничений.

Но наше сердце не умеет, не способно расширяться само собой до такой безмерной меры. Ему нужен Дух Святой, как Он нужен был Деве Марии. Оно нуждается в том, чтобы приносить себя в дар Богу – Параклету, Который есть вочеловечившееся Утешение, Духу Святому, Который делает Сына плотью нашей плоти, присутствием в нашем присутствии, человечностью в нашей человечности.

Как это может произойти? Это происходит, как произошло для Девы Марии или для мальчика с пятью хлебами и двумя рыбами: когда мы отдаем Ему все ничто, которым обладаем, все ничто, которым мы являемся. Такова наша надежда. И тогда все в нас и между нами умножается, все утоляет голод человечества, поскольку все становится Телом и Кровью Христа, Искупителя мира!

Суббота, 13 апреля, утро

Вольфганг Амадей Моцарт, Концерт для фортепиано ре минор № 20, К 466
Фортепиано – Клара Хаскил. Оркестр Ламурё – Игорь Маркевич
«Spirto Gentil», n. 32, (Philips) Universal

Ангел Господень

Утренняя

Давиде Проспери

И в этом году Его Преосвященство монсеньор Николо Ансельми, епископ Римини, пришел поприветствовать нас и преподать нам благословение. Спасибо!

Монсеньор Николо Ансельми

Спасибо за приглашение, спасибо за то, что вы здесь! Насколько я понял, вы в Римини чувствуете себя как дома. Благодарю вас за все то доброе, что вы делаете в Церкви, за все то доброе, что вы делаете в наших общинах, в обществе. В этом году, который Святейший Отец в рамках подготовки к грядущему Юбилею («Паломники надежды») решил посвятить молитве, тот факт, что вас так много, говорит моему сердцу, что нужда в молитве, в общении с Господом, в том, чтобы позволить Его Духу вести нас, касается нас, верующих, но и мир испытывает огромное желание глубины, нового открытия Божьего присутствия и Господа Иисуса в конкретной жизни (о чем мы услышим завтра в Евангелии), Иисуса, Который ест рыбу с учениками, ходит по водам, освобождает и озаряет светом мрак.

Искренне благодарю вас. Давайте ощущать наше единство: часть нашей епархии молится с вами и о вас. Хороших святых упражнений, радостного пасхального времени и благой миссии в мире и в ваших общинах. И еще раз спасибо!

Благословение

Проспери

Спасибо.

От желания к христианской надежде

Каждая из прозвучавших сейчас песен помогает нам вернуться к точке, на которой мы остановились вчера. «Imposible»³³ – крик, исполненный боли от того, что все, чего человек желает, не отвечает на желание сердца, кажется невозможным, казалось бы невозможным, если бы не произошло событие, описанное в первой из песен, «Il mio volto»: «Боже мой, я смотрю на себя и вижу, что у меня нет лица, гляжу вглубь себя и вижу бесконечную темноту». Ощущение собственной неспособности реализовать мою жизнь, исполнить обещание неведомого, невообразимого блага, позволяет мне понять, что, если я искренен, я могу лишь просить, вымаливать в «беспредельном ожидании», как говорилось в конце введения. Перед лицом такого ожидания, еще неопределенного, случается – без каких-либо заслуг с моей стороны – факт, который я замечаю, нечто новое. «Только когда я замечаю, что Ты есть, я вновь слышу мой голос, как эхо, и возрождаюсь, как время из воспоминаний»³⁴.

И оказывается, что голос и глаза не бесполезны, ведь есть кто-то, кто откликается на крик голоса, на устремление глаз. Когда я признаю Его, мое «я» возрождается: уже не как смутное или – говорили мы вчера – умаленное до наших идей желание, не как нетерпеливая просьба, а как ожидание, ожидание бедняка, нищего, как надежда на Него, обещающего мне свершение – таинственное, но реальное.

Грехи против надежды (не знаки, а мечты)

Разовьем нить размышлений и вернемся к тексту отца Джуссани 1961 года. Продемонстрировав, что надежда как обещание исполнения есть сама ткань человечности, остающаяся таковой, даже когда мы впадаем в инстинктивность или ищем комфорта (как ни парадоксально, даже это, по словам отца Джуссани, свидетельствует о том, что мы являемся

³³ А. Yupanqui. *Vidala del imposible*. Альбом *Mi tierra, te están cambiando*, 1973 © Odeon.

³⁴ А. Mascagni. *Il mio volto // Песенник*. М.: КЦ «Духовная библиотека», 2006. С. 152–153.

желанием, ожиданием и обещанием), он обращает наше внимание на существование «грехов против надежды»: «Человеческая гениальность [он говорит «гениальность» с легкой иронией], кажется, состоит как раз в том, чтобы постичь бессилие как главную подсказку опыта. Поэтому добродетели надежды яростно противостоит *печаль (tristitia saeculi* – «печаль мирская» апостола Павла) или *уныние (acoedia* – акедия, о которой говорит св. Фома), результатом чего является *отсутствие готовности* к положительному восприятию, которое природа вкладывает в нас изначально. Именно из этой неготовности проистекает противоречащее надежде поведение: грехи против надежды»³⁵.

Неготовность пребывать в ожидании связана с неприятием собственной сотворенности, того факта, что мы созданы как обещание исполнения, которое произойдет, не как мы представляем и желаем, а благодаря действию Того, Кто больше я, чем я сам. Больше настолько, что даже одиночество, как мы читали в последнее время на школе общины, наполняется общением: «Одиночеству предшествует компания, которая охватывает мое одиночество, из-за чего оно уже не является истинным одиночеством, но призывом к сокровенному общению»³⁶.

Но мы этого не признаем. И наше непризнание, наша неготовность ожидать, безусловно, являются плодами греха, а также отношения, порожденного историей последних веков, на протяжении которых утверждаются непрестанно возрастающие притязания человека на независимость, в результате чего он все менее расположен признавать эту таинственную компанию. Мы дышим подобными притязаниями, даже живя христианской верой, и они подталкивают нас к печальному искушению самим определять, каким должен быть ответ на наше желание и когда мы должны его получить. В итоге мы не готовы ожидать.

О корнях этой неготовности и о том, как возникла в западной истории закрытость перед Тем, Кто больше я, чем я сам, перед «Ты-творящим-меня»³⁷, рекомендую почитать в пунктах 16 и 23 энциклики «*Spe salvi*»³⁸ Бенедикта XVI, в прекрасных пунктах со 101 по 121 энциклики «*Laudato si'*»³⁹ папы Франциска, в книгах «Религиозное сознание современного

³⁵ L. Giussani. *Porta la speranza...* P. 156.

³⁶ Ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 65.

³⁷ Там же. С. 123.

³⁸ См. Бенедикт XVI. *Spe salvi*. П. 16–23.

³⁹ См. Франциск. *Laudato si'*. П. 101–121.

человека»⁴⁰ и «Зачем Церковь»⁴¹, помогающих лучше понять, как в переходе от средневекового сознания к образу мыслей, свойственному Новому времени, утвердилось наше притязание на независимость. Эта история отражается в истории каждого из нас.

Интересно более детально рассмотреть позиции, которые, согласно тексту отца Джуссани 1961 года, вытекают из описанной неготовности. «Первая и простейшая происходит от *evagatio mentis* [блуждания мысли]. Это рассеянность в ее самом обычном понимании, совпадающая с отступлением в меланхолическую посредственность, свойственным большинству, когда ты позволяешь опутать себя уже знакомыми чувствами или постоянно поглощать тебя банальным голосам окружающей среды»⁴².

Evagatio mentis вынуждает нас соглашаться на мелкие удовольствия (хотя мы наперед знаем, что они не наполнят нас), которые сменяют друг друга на выходных или в свободное время, когда мы пытаемся отвлечься, так что в повседневной жизни, состоящей из работы, отношений, использования времени и денег, мы с легкостью отказываемся от всего, что могло бы вернуть нас к идеалу: от молитвы, от лиц определенных друзей, от школы общины, от мессы (кто ходит на мессу каждый день?).

Сделаю отступление. Вы знаете, что грехи против надежды, о которых говорит отец Джуссани, заключаются не в нарушении тех или иных правил, а в отказе от нашей человечности, в умалениях, заглушающих величие крика, в силу которого аргентинский певец Атауальпа Юпанки говорит в знаменитой песне «Imposible»: «Так зачем же мне даны глаза? Почему у меня есть глаза, если я не могу видеть?»⁴³ Неизбежная неудовлетворенность могла бы быть *знáком*, вновь приводящим нас в движение, но мы впадаем в *evagatio mentis*. Вместо того чтобы воспринимать неудовлетворенность как отправную точку для того, чтобы открываться другому, мы легко замыкаемся в сфере, или, лучше, в *мыльном пузыре* мечтаний, лишенных дыхания бесконечности.

В результате мы идем вперед неуверенно, оправдываясь множеством «если» и «но», «может быть» и «мне нравится» или «мне не нравится», из-за чего наше сердце мельчает, увязает в печальном тумане. В этом

⁴⁰ L. Giussani. *Il senso di Dio e l'uomo moderno. La «questione umana» e la novità del cristianesimo*. Milano: BUR, 2010. P. 79–137.

⁴¹ Л. Джуссани. *Зачем Церковь*. М.: Христианская Россия, 2004. С. 34–72.

⁴² L. Giussani. *Porta la speranza...* P. 156–157.

⁴³ «¿Para que quiero mis ojos? / ¿Mi ojos para sirven?» (A. Yupanqui. *Vidala del imposible*).

смысле некоторые тексты отца Джуссани поразительны. Например, в книге «*Uomini senza patria*» («Люди без родины») он говорит: «„Но“, „если“, „может быть“, „однако“ перед лицом предчувствия, предвидения, прозрения, проглядывания истины – это позор, недостаток мужества, неприсоединение. Это как если кто-то протягивает вам руку для дружеского рукопожатия, а вы подаете свою вяло, опустив пальцы, а большой палец даже не тянется вверх, чтобы ухватить ладонь. <...> Так вот, перед лицом жизни „но“, „если“, „может быть“, „однако“ – это двусмысленная хлипкость, даже не грустная... а неблагоприятная, „застойная“, мутная; нет, на самом деле и не мутная, а, сродни характерной осклизлости некоторой воды, болотная; этакая „болотная“ рука»⁴⁴.

Образ, вызывающий отвращение! Осклизло, болотно проживать свои дни... Впечатляет описание того, как мы превращаем нашу человечность в нечто хлипкое, каждый день склоняемся к этому, сами того не замечая. Подобное пренебрежение собой, самонадеянное, ибо лишенное просьбы, свидетельствует о нашей уступчивости силе зла, «главной» силе – дьяволу, который стремится оторвать нас от Христа, оторгнув от нашей человечности, утопив нас в зыбучих песках поверхностности, обрастающей сомнениями. Как говорится в «Религиозном чувстве», «шквальный огонь „но“, „если“, линия огня прикрывает отступление человека от серьезного отношения к тайне»⁴⁵.

Пример такого отступления я нашел в статье, опубликованной 6 января исследовательским центром «Соор», где Италия описывается как «страна, поставленная на паузу» (вчера вечером Давиде цитировал отчет другого центра, «Censis», называющего Италию сомнамбулой). «Желание перемен есть, но никто в них не верит. И платятся за это большие проекты... В результате отсрочек и отмен итальянцы, по сути, довольствуются мелкими вещами, живут вычитанием, а не прибавлением, и будущее страны сжимается во временной динамике, в которой доминирует настоящее»⁴⁶. Но это настоящее не имеет ни прошлого, ни будущего, в нем нет надежды; это настоящее мелких вещей, греющих душу».

Второй грех против надежды, обозначенный отцом Джуссани, – *стоицизм* как попытка больше не желать великого: «По сути речь о претензии на

⁴⁴ L. Giussani. *Uomini senza patria (1982–1983)*. P. 123.

⁴⁵ Ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 150.

⁴⁶ I. Scalise. *Un Paese in pausa e con poche speranze: gli italiani si rifugiano nei piccoli sfizi // la Repubblica*. 6 gennaio 2024. P. 7.

то, чтобы соизмерять все с собственными силами, на способность измерять и справляться с весом целого собственной волей! <...> Эта самонадеянность ограничивает масштаб человека в его яростной попытке самоутвердиться. Тут хочется процитировать Шекспира: „Гораций, много в мире есть того, что вашей философии не снилось“»⁴⁷. При таком подходе исполнение желания отождествляется с нашими представлениями: я буду счастлив, если у меня будет жена (или муж), если я буду достаточно зарабатывать, если у меня будут дети, и притом хорошие, если, если... В 1961 году Джусани видел, как эта идеология, по сути, нигилистическая, выдает себя за надежду на изменение общества согласно коллективному проекту. Однако сегодня мы сознаем, что, не считая стран, где идеологическая иллюзия продолжает подпитывать диктаторские режимы, делающие печальной и горькой жизнь целых народов, утопическая иллюзия власти, «самонадеянность, ограничивающая масштаб человека до яростных попыток самоутвердиться», в нашем обществе свелась к отстаиванию так называемых *индивидуальных прав*, к отрицанию какой-либо объективной данности кроме той, что избрана индивидом (если во мне звучит крик, как мы слышали в песне *Anyone*: «Есть ли хоть кто-то?»)⁴⁸ – вопрос этот представляется нелепым). Это происходит на фоне повсеместной *текучести*: от смены стороны и мнения в зависимости от настоящего момента до опровержения разницы полов как объективной данности, которое выражается в разнообразных гендерных идеологиях (папа Франциск не раз говорил о них⁴⁹ как

⁴⁷ L. Giussani. *Porta la speranza...* P. 157–158.

⁴⁸ «...is there anyone? / I need someone, oh / Anyone, please send me anyone / Lord, is there anyone? / I need someone». – «...есть ли хоть кто-то? / Мне нужен кто-нибудь / Хотя бы кого-то, прошу, пошли мне хотя бы кого-то / Господи, есть ли хоть кто-то? / Мне нужен кто-нибудь» (Demi Lovato. *Anyone*. Альбом *Dancing with the Devil... the Art of Starting Over*, 2021 © Island).

⁴⁹ Одним из недавних поводов стало обращение к участникам Международной конференции «*Мужчина и женщина. Образ Божий. Антропология призваний*» (1 марта 2024 года), в котором, в частности, папа Франциск сказал: «Очень важно, чтобы происходила встреча, встреча между мужчинами и женщинами, потому что сегодня самая страшная опасность – идеология гендера, которая отменяет различия. Я попросил провести исследование этой дурной идеологии нашего времени, которая стирает различия и делает все одинаковым; стирать различия – значит стирать человечность. Мужчина и женщина, напротив, находятся в плодотворном „напряжении“. Помню, как прочитал когда-то роман начала 1900-х годов, написанный сыном архиепископа Кентерберийского, – „Князь мира сего“. Эта книга, рассказывающая о будущем, оказалась пророческой, потому что в ней описана тенденция стирать любые различия. Почитайте ее, если у вас будет время, потому что затронутые в ней проблемы касаются сегодняшнего дня; он был пророком, этот человек».

о наиболее продвинутом аспекте современной «идеологической колонизации»). Последний документ, изданный Конгрегацией доктрины веры, – *Dignitas infinita* («Бесконечное достоинство») – весьма полезен (прочитай-те его), чтобы понять ядро проблемы. В нем проводится различие между онтологическим достоинством каждого человека и иными мнимыми достоинствами, в действительности отвергающими достоинство, которым мы обладаем в силу того, как мы созданы. Папа неоднократно сравнивал такую идеологическую колонизацию с идеологией, описанной в хорошо известном нам романе Роберта Хью Бенсона «Князь мира сего»⁵⁰, где она доходит до эвтаназии и до чудовищной нетерпимости по отношению к тем, кто глубоко смотрит на человека и на реальность.

Также и войны, приводящие нас в ужас сегодня, движимы в конечном счете *ожиданием исполнения*, сведенным к человеческим проектам. Его плод – руины, изничтожение человека, отчаяние, чему мы каждый день свидетели. Мы видим, что *мечта* о человеческом самоутверждении, о самостоятельном ответе на наши желания превращается в настоящий кошмар.

Многие молодые люди, чье сердце, несмотря ни на что, все еще живо, умаляя свое желание до ложной свободы решать самим, что нас удовлетворяет (*мечта, а не знак*), чувствуют неуверенность в себе, в своей ценности и месте в мире, поскольку никто никогда не учил их любить собственное сердце, вопрошающее о бесконечном. На днях я посетил лечебно-исследовательский центр для детей и подростков с неврологическими, психиатрическими и психологическими проблемами – передовой институт международного уровня. Я вошел в палату и увидел перед собой дюжину девушек, страдающих расстройством пищевого поведения. На меня произвели впечатление их глаза: погасшие и безмерно печальные, они запали мне в сердце! Потом от врачей я узнал, что число молодых людей с этими и прочими ментальными патологиями растет в геометрической прогрессии. Казалось, их глаза напрочь лишены надежды. В другом центре для психически больных подростков я встретил девушку, выглядевшую нормально. Ее врач рассказала мне ее историю, сотканную из ситуаций, в которых никто не говорил ей: «Ты любима, ты желанна». Человек может думать: «Я сам решаю, кем мне быть». Но в действительности без отношения с другим, ведущим твое «я» к свершению, он лиша-

⁵⁰ Р. Х. Бенсон. *Князь мира сего*. СПб.: Встреча, 2000.

ется надежды и утрачивает свою человечность. Смотри на тех юношей и девушек, я ясно понимал: если им обрезали крылья надежды на полное свершение, как же они смогут летать? Что это за свобода: быть обреченным на необходимость в одиночку решать, кто ты, и потом сознавать, что этого мало? Когда нет надежды, когда ты сдаешься перед пустотой, погружаясь в отчаяние, возрастает насилие по отношению к себе и к другим. На мой взгляд, попытки понизить планку желания, сведя его к тому, что решаю я, – явная форма уничтожения человечности.

Однако, если мы честны с порывом нашей природы, с образующим нас желанием, то все чего мы желаем, превращается в знак и ведет нас к источнику всего – к Богу. Позвольте мне процитировать Данте. Он уж точно любит желание, видя в нем путь к Богу и одновременно понимая, что в одиночку, без Его помощи, мы теряем себя! В «Чистилище» есть прекрасная страница, где он говорит о душе – о каждом из нас – всем нам известными и по-настоящему чудесными словами: «Из рук того, кто искони лелеет / Ее в себе / рождаясь, как дитя, [душа выходит из Его рук, из рук Бога, Который, кажется, отпускает ее в полет, как бабочку, и смотрит на нее с восхищением, с отчей любовью еще до того, как она начинает быть, то есть Он задумывает ее и творит ее в Своей любви] / Душа еще и мыслить не умеет, / Резвится, то смеясь, а то грустя [она радуется и плачет как невинное дитя], / И радостного мастера создание [ее привел в движение Создатель, Бесконечное, Бог, исполненный радости перед ней], / К тому, что манит, тотчас же летя [еще не опытная душа ничего пока не умеет, кроме одного: охотно обращаться к Тому, Кто творит ее в радости, охотно обращаться к Тому, Кто дарует ей радость; она желает вернуться к единственной радости, способной наполнить все пространство ее существа, устремленного вглубь реальности]. / Ничтожных благ вкусив очарованье, [душа в своей наивности вступает в мир и находит то, что ее влечет] / Она бежит к ним, если ей препон / Не создают ни вождь, ни обузданье [она тотчас чувствует вкус малого блага и готова была бы сразу же обманываться и бежать за первой же вещью, которая влечет ее, если бы кто-то не вел ее, не останавливал и не обращал ее любовь вперед, еще дальше]»⁵¹.

В другом прекрасном тексте Данте говорит, что человек в действительности как бы предстоит перед пирамидой. Вначале есть малое благо:

⁵¹ Данте Алигьери. *Божественная комедия*. Чистилище. Песнь XVI, 85–93. Пер. М. Лозинского.

он подобен ребенку, который видит яблоко и влюбляется в яблоко; чуть позже ему его уже мало, и тут он видит игрушку, но и ее мало, потом он видит коня, потом – девушку, потом он видит деньги, потом – говорит Данте с огромным реализмом – он хочет больше денег, а потом – еще больше денег. Но все это, добавляет поэт, не против устройства человека; не желания уводят нас в сторону от Бога – при условии, что мы понимаем: их мало, они лишь этапы пути, ведущего к признанию единственного достаточного нам Блага. Желание для Данте благо, его не следует устранять, ведь оно шаг к судьбе.

Меня поразило интервью с норвежским епископом Эриком Варденом, опубликованное в мартовском номере журнала «Трачче» (думаю, вы тоже его читали). Цитирую: «Желание выражает нашу сотворенность Богом. Оно присуще самой человеческой природе. В нас обитает эхо, призыв. По воле Господа в нас поет наше подобие Ему. Желание – двигатель моей жизни, оно направляет ее к полноте, которая состоит в общении с Богом, проживаемом в том числе и в отношениях с другими. Наш грех в том, что мы плохо обращаемся с желанием [видите, грех – не нарушение правил, а разрушение самих себя], дробя его на множество отдельных частей. Однако, посмотрев, куда ведет нас наше глубочайшее желание, мы заметим относительность всех вещей, их неспособность удовлетворить его. В то же время мы признаем и их истинную ценность, поскольку лишь в свете того, что действительно утоляет жажду жизни [Бог], открывается важность и любой мелочи»⁵².

Великая благодать

Как замечательно! Мы встретили опыт, в рамках которого все в нашей человечности рассматривается как нечто ценное.

Сейчас, как никогда, в мире, в котором мы живем, в конкретной ситуации сегодняшнего дня, чтобы надеяться, действительно нужно получить *великую благодать*. Именно поэтому я обращаюсь к текстам Джуссани, помогающим понять, как встреча с Иисусом влияет на структуру образующего нас желания, не устраняя его, а исполняя. В начале главы о надежде в «*Si può (veramente?) vivere così?*» он, чтобы подвести итог своим

⁵² А. Леонарди. *Бесконечный диапазон желания*. Интервью с Э. Варденом. <https://ru.clonline.org/news/current-events/2024/03/06/erik-varden-beskonechnyj-diapazon-zhelaniya>.

размышлениям, приводит отрывок из книги «В поисках человеческого лица», использованный также на пасхальном плакате 1996 года: «Надежда – это уверенность в будущем, основанная на том, что присутствует в настоящем. Таким образом, уверенными в будущем нас делает присутствие Христа, перед которым ставит нас память. И значит, можно идти без остановок, стремиться поверх всяких границ, исходя из уверенности, что Он, обладая историей, проявит Себя в ней»⁵³.

1. Присутствие

Комментируя этот отрывок в «*Si può (veramente?!) vivere così?*», Джуссани утверждает: «*Первое*. Существует присутствие, в жизни человека есть присутствие, она включает в себе присутствие: присутствие людей и вещей. Это присутствие излучает притягательность, так что в душе человека зарождаются желания, которые являются пружиной всех его движений. Человек не „истукан“. Притягательность присутствия пробуждает в нем идеалы жизни: красоту, истину, творчество, труд (творчество – это труд). Привязанность человека к этим идеалам (человек привязывается к ним), а следовательно, и почтение, которое он питает к своим желаниям, [однако] ослепляют его, скрывая их временный характер: человек не видит, что все они – знаки, указатели на пути»⁵⁴. Он словно подытоживает весь путь, который мы проделали со вчерашнего вечера до этого момента. И возможно, сейчас как раз в силу проделанного пути мы понимаем его чуть больше.

В разговоре о надежде отправная точка, как мы убедились вчера, – реальность, положительность желания, а также обман, которому мы с легкостью поддаемся. Присутствие заставляет желание пульсировать и излучает притягательность, которая движет нами. Однако положительное движение сразу же слабеет, если прилепляется к непосредственному присутствию, пробуждающему желания, вместо того чтобы переживать их как дар и знак, отсылающий дальше. Так возникает *неготовность ожидать*, из-за которой желания превращаются в мечты и замкнутые круги и уже больше не ставят нас на путь, а закрывают.

⁵³ L. Giussani. *Si può (veramente?!) vivere così?* P. 265. Ср. Л. Джуссани. В *поисках человеческого лица*. М.: Христианская Россия, 1997. С. 82.

⁵⁴ *Ibidem*. P. 265–266.

2. Идеал, воплощенный в жизни

Тут Джуссани делает следующий шаг: «*Второе*. Происходит присутствие [среди многих других присутствий], присутствие Слова Божия, вочеловечившегося во чреве Марии. Присутствие Того, из Кого сотворены все люди и вещи, Того, Кто сотворил мир, а значит, вся сотворенная реальность указывает на Него и обретает свою истинность (а иначе она лжива) и свое свершение (а иначе она тщетна) в Нем. Все идеалы, возникающие по мере пути, служат Ему, Идеалу [с большой буквы]; желания человека истины и плодотворны только в том случае, если они подкрепляют желание Его. Опыт любви, поиска истины, плодотворности, созидательности – способы глубже проникнуть в опыт Его тайны. Таков идеал человеческой жизни с тех пор, как Он пришел, чтобы остаться вплоть до дня Своей славы. Жить этим ожиданием – надежда всякой надежды»⁵⁵.

Итак, присутствие Христа, перед которым ставит нас память (определенные действия, отношения, моменты, как молитва сегодня утром, как Таинства и месса, – инструменты памяти, позволяющей нам сразу же признавать Присутствие, ради которого на самом деле создано наше сердце), упорядочивает вещи: все благо, все достойно любви, потому что все – знак, шаг, вводящий в отношение с Ним.

А. Переход от желания к ожиданию совершается во Христе

Сам Иисус, приходя, превращает наше желание, идеалы, возникающие на пути, в призыв ожидать Его в уверенности, что Тот, Кого мы ждем, грядет. Это своего рода преображение, шаг вперед в нашей онтологии, возвращение к нашей истинной онтологии. В своей известной проповеди на мессе Навечерия Пасхи Бенедикт XVI говорил о «качественном скачке в истории „эволюции“ и жизни в целом [произошедшем с воскресением Христа] к новой будущей жизни, к новому миру, который, начиная с Христа, уже непрерывно проникает в этот наш мир, преображает его и притягивает к себе»⁵⁶.

Еще раз вернусь к тексту 1961 года, ставшего нашей отправной точкой вчера. Джуссани говорит о своеобразном «апгрейде» человека, позволяющем перейти от желания, от человеческой надежды, которая окутана неопределенностью и которую так легко спутать с мечтами,

⁵⁵ L. Giussani. *Si può (veramente?!) vivere così?* P. 266.

⁵⁶ Бенедикт XVI. *Проповедь на мессе Навечерия Пасхи*, 15 апреля 2006 г.

перерастающими в кошмар, к надежде христианской, которая вбирает в себя все человеческие надежды, но распаивает для них непредвиденный и бесконечно более широкий, ничем не ограниченный горизонт, и мы можем ожидать его с уверенностью. Цитирую: «Событие, новый факт в корне меняет суть проблемы. Бог лично вмешался в драматичную ситуацию человека, вмешался через Христа. Прежде всего Христос выявляет неожиданную широту человеческой судьбы... Смысл существования – открывает Христос – заключается в судьбе личного и сверхъестественного отношения с Богом... Кроме того, Христос в Самом Себе предлагает нам конкретную возможность достижения этой непредвиденной и таинственной судьбы. <...> Я становлюсь твоей дорогой, Я залог решения и путь к нему. *Gratia Dei*: человеческое свершение – дар, гораздо больший дар, чем даже непредвиденное и непредсказуемое происхождение самого человека»⁵⁷. Мы созданы как надежда, как ожидание, расплавающее в бесконечность, и присутствие Христа, предлагающего нам Самого Себя в качестве пути, позволяет нам достичь исполнения желания, из которого мы сотканы.

Обратимся к тому, что говорит отец Джуссани в книге «*Si può (veramente?!) vivere così?*» о высочайшем и глубочайшем, на его взгляд, моменте в жизни Джакомо Леопарди и как человека, и как поэта: «Христос пришел, чтобы внести ясность: „Все указывает на Меня. Все говорит обо Мне“. Все, что есть великого в человеческой жизни, – пророчество о Нем. <...> Когда человек предчувствует это, как предощутил Леопарди на вершине своего человеческого пути в гимне „К своей донне“, он немедленно устремляет душу к ожиданию чего-то иного: даже перед лицом того, что для него достижимо, он ожидает иного; достигает того, что достижимо, но ожидает иного. Надежда не в том, чего ты можешь достичь, она в чем-то ином. В чем-то ином... Итак, надежда, которую Христос пробуждает и питает, есть человеческая надежда, по благодати очищенная от иллюзии, исходящей от всех вещей (не потому, что они отрицательны как таковые, а потому что их положительность – в том, чтобы отсылать к иному, в противном же случае они становятся идолами). Христианская надежда – надежда человеческого желания, но по своему содержанию она несет другой мир»⁵⁸.

⁵⁷ L. Giussani. *Porta la speranza...* P. 159.

⁵⁸ L. Giussani. *Si può (veramente?!) vivere così?* P. 337–338.

Следовательно, тот, кто живет встречей со Христом, не «преодолел» человеческую надежду, которая остается «мужественной позицией ожидания будущего блага, трудного и тернистого для взгляда в настоящее»⁵⁹, говорит Джуссани в тексте 1961 года. Тот, кто живет встречей со Христом, понял, что будущее благо, оставаясь Тайной, поскольку мы никоим образом не можем определить его, обладает лицом в настоящем: это Сам Христос.

Открытие привычных вещей как знака Христа делает их вечными. Представим, что человек из любви дарит розу. Со временем она увядает и умирает, но смысл, который она несет будучи знаком, то есть любовь дарителя, остается навсегда и в некоторой степени приобщает ее, даже по увядании, к непреходящему смыслу, орудием которого она выступила. Для человека влюбленного эта роза не перестает быть розой, но притом обретает несравнимо больший смысл. Возможно, получившая ее девушка сохранит ее, высушит и поместит в рамку. Она не поступила бы так с любым попавшимся цветком и делает это, потому что «эта» роза стала знаком, отсылкой к смыслу.

Мы живем этим. В религиозной истории человечества религиозный человек называет это *священной* реальностью. Если в какой-то пещере или на каком-то камне Тайна открыла Себя (вспомните о явлениях Богородицы или о неопалимой купине), то камень остается камнем, но он уже никогда не будет просто камнем среди множества других: тот факт, что он стал орудием Вечного, Тайны, Бесконечного сохраняется навсегда, и его ценность становится безмерной и вечной, *священной*. Нам, священникам, это хорошо известно: мы часто находим в церквях статуэтки или образки, которые люди приносят, когда хотят от них избавиться, но у них рука не поднимается выбросить священные изображения в мусорное ведро. «Пусть священник разберется», – то есть священник, будучи лицом посвященным, может решить. То, что «несет» в себе смысл реальности, выходит из обыденности привычных вещей, навсегда припадая к вечности. Речь не о простом суеверии, а о том, что мы созданы, чтобы в каждой вещи распознавать знак Создавшего ее.

Подумаем, каким взглядом способен смотреть на других, на творение, на мир человек, который видит и признает, что *каждая вещь, каждый человек* происходит от Тайны, являющейся их смыслом и потому дела-

⁵⁹ L. Giussani. *Porta la speranza...* P. 156.

ющей их *священными*. Тогда уже больше нет разделения на *священное и профанное*; поскольку всё – отношение со Христом, всё так или иначе становится *священным*. В перспективе Вечности, говорящей с нами в Иисусе, ясно: даже то, что представляется нам серьезным препятствием для надежды (грех, боль, смерть), пронизано сознанием, что лишь в Нем все это обретает смысл, возможно, еще нам не известный, неведомый. Грех, боль, смерть становятся священными, так как отсылают к Нему, будучи просьбой о смысле и о прощении, и, с этой точки зрения, они побеждены в Нем, о чем в ликовании возвещает вся литургия пасхального времени. Христос воскрес, и значит, все охвачено окончательностью: даже смерть побеждена, уже сейчас и навсегда.

Б. Его присутствие, признанное верой, преобразует настоящее и будущее

Настоящее, где пребывает Он, где есть Его присутствие, вокруг которого все упорядочивается в свете нового и священного смысла, делает нас уверенными в завтрашнем дне. Вот разница между тем, как смотрит в будущее человек, обладающий желанием, но не встретивший Христа, и взглядом того, кто получил *великую благодать*. Отец Джуссани говорит: «Что происходит в христианской жизни? Она позволяет тебе переживать настоящее с таким вниманием ко всем его аспектам, что, внимательно глядяваясь в простирающееся перед тобой море, ты видишь на далеком горизонте маленькую точку. Это корабль – не удаляющийся, а приближающийся. Сама судьба идет к тебе, и велик день, в который ты замечаешь эту точку – приближающуюся судьбу. Так случилось и с Христофором Колумбом: великим был день, когда он начал различать тонкую полоску земли»⁶⁰. И потому в ожидании будущего нет неуверенности; хотя оно еще тебе неведомо, ты знаешь, что судьба непреложна и блага, ведь она в руках Того, Кто любит тебя.

3. Его присутствие стократно умножает наши усилия

Вернемся к тексту «*Si può (veramente?) vivere così?*», который продолжается так: «*Третье*. Он, следовательно, должен войти и определять все усилия, с помощью которых человеческая надежда (а надежда – двигатель!) стремится к высшему, окончательному опыту, который мы можем

⁶⁰ Ср. Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 162.

предвкушать уже в нашем обычном опыте и который делает обычный опыт в сто раз более воодушевляющим. И вот последствия: способность пребывать в близости или в любви ко Христу, повышение ценности работы, превознесение привязанности, исторический протагонизм в создании народа Божьего»⁶¹.

В результате ты можешь быть внимательным ко всем аспектам настоящего и открытым для того, что исходит от Тайны; какую бы форму оно ни принимало, ты знаешь: это благо для тебя. Он обладает историей, и мы тоже обладаем настоящим через уже данное нам обладание. Ударение тут на причастии «данное». Христос позволяет мне обладать настоящим, потому что Он присутствует в настоящем, а значит, получая содержание настоящего как Его дар, я действительно обладаю им (все становится священным) и уверен в завтрашнем дне, каким бы он ни оказался.

Иисус обещает апостолам, что они будут обладать реальностью настоящего и будущего в полноте, как Он, что они сотворят даже больше, чем Он, когда получают Духа Святого. Об этом говорится в четырнадцатой главе Евангелия от Иоанна: «Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит [понимаете? Сотворит больше, чем Он!], потому что Я к Отцу Моему иду. И если чего попросите у Отца во имя Мое, то сделаю, да прославится Отец в Сыне. Если чего попросите во имя Мое, Я то сделаю»⁶².

Уверенные в Нем, мы становимся главными героями новой истории, проникающей во все, однако наша надежда всегда лишь в Нем одном. В книге «Можно ли жить так?» отец Джуссани цитирует сцену с апостолами из шестой главы Евангелия от Иоанна, в которой Иисус в капернаумской синагоге говорит, что они должны будут есть Его плоть и пить Его кровь, и все уходят прочь, считая Его безумцем. Тогда он спрашивает учеников, тоже не понимающих, но все-таки оставшихся: «Не хотите ли и вы отойти?» Петр выступает от лица всех и отвечает: «Если уйдем от Тебя, куда нам идти?»⁶³ Джуссани комментирует: «На что опиралась надежда Петра, Иоанна, Андрея на Иисуса? Они обращались к Иисусу на ты, Он был для них Присутствием... Он был Человеком, Которому они соглашались принадлежать и Который был основанием их уверенно-

⁶¹ L. Giussani. *Si può (veramente?!) vivere così?* P. 266.

⁶² *Ин.* 14:12–14.

⁶³ Ср. *Ин.* 6.

сти в будущем»⁶⁴. Убедительность Его присутствия вселяет в нас уверенность в будущем.

В связи с этим могу рассказать о моем опыте, о том, как двадцать три года назад я поехал в Перу или как в прошлом году стал епископом. В обоих случаях я должен был сделать серьезный выбор, требовавший «сжечь корабли» (образ вполне подходящий: именно так поступил Эрнан Кортес, достигнув Америки и поклявшись никогда не возвращаться назад), поскольку нужно было сказать да полной перемене жизни. Это был не мой проект; более того, откровенно говоря, вплоть до дня, как меня спросили, готов ли я поехать, у меня и мысли такой не возникало. Но я принял его и согласился – не потому, что знал, что случится дальше, а потому, что признавал: этот шаг был и остается даром Иисуса, а значит, я мог поставить на него, рискнуть. Ты знаешь, Кому доверяешься и доверяешь твое будущее, для тебя неведомое и невообразимое; ты знаешь одно: именно так Он направляет твои шаги к полноте, к судьбе.

Я тогда был новоиспеченным настоятелем в Коверчано (это знаменитый район Флоренции; помню, когда архиепископ сказал мне: «Я тебя посылаю настоятелем в Коверчано», – я даже слегка устыдился, потому что моя первая мысль была: «От прихода пятьсот метров до стадиона!»). За день до предложения поехать в Перу жизнь казалась мне полноценной и хорошей. Какой же качественный скачок в моем сознании о Христе, а следовательно, и в сознании о самом себе случился позже, когда уже в Лиме я пересмотрел ее! Какая благодать стократно углубившегося понимания харизмы, к которой я уже принадлежал (Движение я встретил в шестнадцать лет), но от которой видел лишь *вершину айсберга*! Какая сила новизны и насыщенности жизни была мне дарована в великой истории Движения в Латинской Америке, хотя днем раньше я не имел к ней почти никакого отношения, ну разве что напевал иногда: «Алый вечер, Белу-Оризонти, мои глаза никогда не видели тебя...»⁶⁵ Я всегда думал, что не смогу жить в месте, откуда не виден купол Санта-Мария-дель-Фьоре во Флоренции, – настолько я любил и люблю мой город. На самом же деле тогда началось приключение, которое до сих пор бросает вызов моей вере и движет ею.

⁶⁴ Ср. Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 162.

⁶⁵ R. Ronza. *Rossa sera // Песенник*. С. 190.

Все повторилось в прошлом году. Я уже чувствовал вызов, но и некоторую удовлетворенность моим новым положением: я был настоятелем во Флоренции и с недавних пор оставил ряд епархиальных обязанностей, возложенных на меня в предыдущие годы (сказать по правде, они меня тяготили). Мой архиепископ, кардинал Бетори, освободил меня от них, чтобы я мог посвятить себя новой задаче, вверенной мне в августе 2022 года, – роли регионального ответственного Братства в Латинской Америке. Это был огромный вызов. Помню, я договорился с Давиде о встрече, поскольку, побывав в Аргентине и увидев там возможность весьма конкретного церковного служения, я подумал, что было бы полезно переехать жить туда. Кроме того, во время последнего разговора с моим архиепископом он сказал мне: «Если можешь, оставайся настоятелем здесь, во Флоренции...» Разумеется, его «если можешь оставайся» я понял как «если хочешь, можешь поехать».

Но потом, в понедельник перед Рождеством 2022 года, мне позвонили на мобильный с римского номера. Я думал, это реклама, и два раза сбросил вызов. На третий же раз я ответил, и оказалось, что звонил апостольский нунций! Он пытался сообщить мне, что меня назначают епископом Сан-Миниато. Новый скачок, на который я согласился, прекрасно зная, что речь об ответственности, и она меня пугала из-за моей объективной ничтожности и малости. Но мог ли я сказать нет? Пусть я самый обыкновенный *bischero* (болван – для тех, кто не знает флорентийского диалекта), но я доверился. С другой стороны, нунций спросил меня: «Что же ты ответишь папе?» Разве мог я ответить папе нет? Я в очередной раз доверился Ему. Однако в этом случае «апгрейд» не состоял исключительно в даре Тайнства, в Его чистой благодати, он выражался и в вызове, которым я с тех пор живу ежедневно, в вызове, касающемся моего сознания о Христе, того, как мне надлежит отождествляться с Ним, не оставляя места для двусмысленности.

Кстати, мои отношения с Латинской Америкой продолжились после назначения епископом (еще один совершенно невообразимый для меня факт). Я тут же решил, как нечто самоочевидное, что мои обязанности там прекратятся. Но уже в ходе диалога с Давиде, который, разумеется, принял другой оборот, он спросил: «Почему ты не можешь продолжать?» Я развел руками: «Нужно спросить у апостольского нунция, у моего епископа и у президента Итальянской конференции епископов, кардинала Дзуппи». Неожиданно все трое (я еще не был хиротонисан) сказали

мне продолжать. И тогда я согласился, потому что на опыте убедился: согласие приносит во сто крат. Со временем, поскольку я не мог часто ездить в Латинскую Америку, ответственность приняла характер общения, и я разделил ее с Фернандо из Аргентины, Стефанией из Эквадора, Оливеро из Мексики и другими. Родился новый способ руководить Движением, благодаря возросшей ответственности этих людей. Руководство «в общении» нашло выражение, например, на мартовской встрече в Бразилии, собравшей всех ответственных Латинской Америки. Это было что-то невероятное, и такой прекрасный шаг стал возможен не в силу идеологического проекта, а в послушании условиям, которые нам были даны. В общем, опыт всей жизни (великая благодать) подтверждает: когда говоришь да Иисусу, обладающему историей, исполняется обещание и судьба становится все ближе, идет нам навстречу.

4. «Есть один Он»

Отец Джуссани продолжает: «*Четвертое*. Ошибка остается – болью, а не препятствием [он цитирует знаменитую фразу из «Мигеля Маньяры» О. Милоша]: „Всего этого никогда не существовало: есть один Он“⁶⁶. Действительно, мысли, сердце... вся наша способность к отношениям почти неощутимо сосредоточены на Христе». И это не дешевое оправдание. «Есть один Он»⁶⁶ означает, что даже грех не является препятствием. Вот что говорит Джуссани: «„Есть один Он“⁶⁶. Это не только не исключает отца и мать, но превозносит, через возвеличивание Христа, отца и мать; отец и мать входят с Ним в Его личность; самый любимый человек входит в Его личность, в сердцевину, в центр Его личности [и становится знаком, дорогой]»⁶⁷. Мы можем обрести все в исключительности Его всеобъемлющего присутствия.

Отец Джуссани не скрывает: такая живая надежда – путь к обладанию трудным благом. Тот факт, что «есть один Он», не означает, что нужно закрыть глаза на наше зло, не вынести суждения о нашем зле, противостоящем Христу (вспомните Мигеля Маньяру: замкнувшись в угрызениях совести за совершенные злодеяния, в осознании всей своей скверности, он не чувствует себя прощенным; он слышит, как ему говорят об этом, тогда как сам в состоянии пересилить одолевающее его смятение).

⁶⁶ Ср. О. Милош. *Мигель Маньяра*. Серiate: Христианская Россия, 2000. С. 107.

⁶⁷ L. Giussani. *Si può (veramente?!) vivere così?* P. 266–267.

Обещание состоит в том, что боль и раскаяние в грехах ведут к благодарности, а благодарность позволяет понять, что Христос – всё, и мы можем обрести всё в исключительности Его всеобъемлющего присутствия.

Грех остается и тяготит, но даже он становится криком, обращенным к Его бесконечному милосердию.

Для этого, напоминает отец Джуссани, необходимо терпение. «Терпением вашим спасайте души ваши», – говорит Иисус в Евангелии от Луки⁶⁸. И вот как Джуссани описывает спасение: «Терпение – способность выносить все, с разумной смелостью не отрицая ничего, не забывая ничего и – будьте внимательны! – ни от чего не отказываясь»⁶⁹. Именно терпение, позволяющее продолжать путь, дарует нам Христос в компании, в которой Он присутствует: «Пребудьте во Мне»⁷⁰. Быть терпеливыми – значит неизменно прилепиться к Нему, возвращаться к Нему после ошибок, просить у Него прощения и вновь вставать на путь в следовании за Ним. И потому так важно держаться знаков Его присутствия, меняющего нас, компании, Таинств, регулярной исповеди, в которой мы получаем Его прощение, мессы и Евхаристии, в которых Он дарует нам Самого Себя.

«Пребудьте во Мне». Тяготы, грех, предательство остаются, но утрачивают способность опустошать, принижать, отдалять нас от Христа. Мы продолжаем падать, отступать, обманываться и думать, будто желание сердца исполняется за счет наших фантазий, наших представлений, наших мыслей. Грех остается грехом, но он служит тому, чтобы вновь смотреть на Него, взывать к Нему, возвращаться к Нему. У надежды есть секрет – секрет Отца, Его милосердия, Его прощения, позволяющего нам рождаться заново. Послушайте, какими прекрасными словами говорит об этом Пеги: «Человек спрашивает себя, говорит себе: как же так получается, / Что этот родник Надежды струится вечно, / Вечно истекает, вечно журчит. <...> / Должен быть в нем какой-то секрет. / Какая-то тайна. <...> / „Добрые люди, – говорит Бог, – для этого много не нужно“./ Тайна его не сложна. / И секрет его не труден. <...> / ...скверные воды она превращает в источники вод чистых. / Вот почему у нее никогда нет в них недостатка. / Но на то она и Надежда. <...> / Новые воды из вод использованных. // Источники из старых вод. // Свежие души из вет-

⁶⁸ Лк. 21:19.

⁶⁹ Ср. Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 178.

⁷⁰ Ин. 15:4.

хих душ. <...> / Как ей это удастся, как она это делает, / Это, дети, Мой секрет. / Ибо Я ее Отец»⁷¹.

Отец Джуссани так комментирует этот отрывок: «Вновь обретать надежду после ошибки – это настолько великий поступок, что поэт Пеги определяет его „тайной надежды“, потому что прощение зла – на самом деле тайна. „Тайна надежды, которая из грязных вод делает чистые и делает свежие души из ветхих душ“: это возрождение. Крещение – начало этого возрождения, начало, которое остается в силе сто лет, если человек живет сто лет, и даже сто три года, если кто-то доживает до ста трех лет, которое действует 1 299 раз, если человек совершает 1 299 грехов, и даже 10 003 раза, если человек совершает 10 003 греха»⁷². Его милосердие, великая благодать.

5. Дом надежды

У этого милосердия, у этих чистых вод, у возрождения надежды есть место, дом, живая компания, где они цветут, как поет Клаудио Кьеффо в песне «Canzone del melograno»⁷³.

Отец Джуссани говорит: «*Лятое*. Место этого события – церковная община; церковная – значит состоящая из людей, которые собираются вместе ради этого: ради Христа. Наша компания – чистая дружба. Наша компания – чистая дружба, и мы желаем друг другу становиться все более и более друзьями, а теперь пойдем есть!»⁷⁴ Так завершил он свое размышление в книге «*Si può (veramente?) vivere così?*», а нам нужно еще кое-что сказать, прежде чем пойти обедать.

Церковь – такое место; дом, где надежда непрерывно оживляется; место, созданное Иисусом, чтобы постоянно возвращать нас на тернистый путь к судьбе; место, где на нас смотрят взглядом Бога, Который *лелеет* нас со времен, когда мы еще не существовали. Это место, где Он любит нас в нашей слабости и где нас вновь ставят на ноги благодать Таинств и повседневная поддержка «облака свидетелей»⁷⁵, окружающего нас. В Церкви, в нашей компании, образованной по Его благодати из

⁷¹ С. Péguy. *I misteri*. Milano: Jaca Book, 1997. P. 254–255.

⁷² Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 181.

⁷³ С. Chieffo. *Canzone del melograno* // P. Scaglione. *La mia voce e le Tue parole*. Milano: Ares, 2006. P. 268.

⁷⁴ L. Giussani, *Si può (veramente?) vivere così?* P. 267.

⁷⁵ См. М. Дж. Лепори. *Взирая на Иисуса, начальника и совершителя веры*. Упражнения Братства «Общения и освобождения», 2023. С. 27–28.

нашей бедной и грешной человечности, присутствует Бог, искупающий нас от зла и смерти.

Вот почему мы должны смотреть на нашу дружбу как на что-то *священное*, к чему Христос прибегает, чтобы явить всем Свое лицо. Так смотрит на нее папа, написавший нам в письме от 30 января: «Я благодарен Господу за жизненную силу, которую движение постоянно демонстрирует, занимаясь евангелизацией и делами милосердия по отношению к современным мужчинам и женщинам». Он также сказал, что эта жизненная сила нуждается в нашем единстве и именно оно «оберегает плодотворность харизмы»⁷⁶. Единство – дар, одним целым нас сделал Другой. По Его воле мы «одно». В книге «Зачем Церковь»⁷⁷ отец Джуссани обращается к трем текстам апостола Павла, которые я позволю себе процитировать. «Ибо все вы сыны Божии по вере во Христа Иисуса; все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе. Если же вы Христовы, то вы семя Авраамово и по обетованию наследники»⁷⁸. Как часто отец Джуссани настаивал именно на этом: «Все вы одно», – то есть одно целое, одна личность «во Христе Иисусе». «Нет [уже] ни еллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос»⁷⁹. «Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, иудеи или еллина, рабы или свободные, и все напоены одним Духом»⁸⁰.

Наше единство в великом единстве Церкви – это путь, русло реки, устремленной к судьбе, к устью, ко Христу, к Исполняющему ожидание и надежду. Поток новой жизни, который через отца Джуссани достиг нас и непрестанно порождает нас по чистой благодати Господней, является конкретным местом, *домом надежды*. В Церкви, в Движении существуют дома, обители: дома *Memores Domini*, дома наших семей, дома – группы Братства, призванные быть отражением единой Церкви в таинственном смысле. Как каждая освященная гостия заключает в себе одного Иисуса, так и мы вместе для того, чтобы признавать среди нас Его присутствие

⁷⁶ Франциск. *Письмо Давиде Просперу*. 30 января 2024 г. <https://ru.clonline.org/news/church/2024/02/01/prosperi-santoro-audienciya-u-franciska-15-yanvarya-2024>.

⁷⁷ См. Л. Джуссани. *Зачем Церковь*. С. 87–88.

⁷⁸ *Гал.* 3:26–29.

⁷⁹ *Кол.* 3:11.

⁸⁰ *1 Кор.* 12:13.

и помогать друг другу следовать за Ним, не отрываться от источника, течь по руслу дарованного единства, которое, однако надлежит также искать и испрашивать.

В книге «Зачем Церковь» отец Джуссани говорит об отношении между вселенской Церковью и конкретной общиной, где человек встречает и переживает веру: «Путь к познанию того, что такое Церковь в своей целокупности... пролегает через глубины экклезиального опыта, с которым человек встретился, при условии, что опыт этот обладает чертами истинной экклезиальности. Поэтому послушание Церкви в ее целокупности, зависимость от нее, отношение с ней, признание друг другом различных реалий христианской жизни, – все это аспекты, определяющие правомерность собрания. В противном случае причиной, по которой объединение людей наделяется ценностью, будет не тайна Иисуса Христа, сообщающего Себя истории и миру, а нечто сужающее ее масштаб. С другой стороны, Церковь в ее целокупности исторически может возникать только во временном контексте, в конкретном месте, в конкретной среде. Каким образом можно нести весть об Иисусе Христе в той или иной среде, если не посредством группы христиан, сознающих свою подлинную принадлежность к одной и той же Церкви? Без них целокупная Церковь в этой среде словно не существует: поместная Церковь имеет смысл как проявление целокупной Церкви, которая без нее не обладала бы исторической конкретностью»⁸¹.

В описанном отношении конкретная позиция каждого из участников определяется любовью к единству, которая подпитывается следованием: послушанием пастырям, говорит папа, и соработничеством – в готовности и преданности – с теми, кто призван руководить движением. «Только такое послушание, непрестанно вновь обретаемое и подпитываемое, обеспечит между вами все более богатый опыт христианской жизни и обновленное присутствие в мире во благо всей Церкви»⁸².

Отец Джуссани рассказывает, что Движение началось в тот момент, когда возникло единство с ребятами, которых он встретил на Виа Ламармора, на выходе из школы, и за которыми последовал: не за ними, а за единством с ними, за Тем, Кто являл Себя в этом единстве. «Движение было и оставалось источником всего, поскольку оно требовало, чтобы

⁸¹ Ср. Л. Джуссани. *Зачем Церковь*. С. 99.

⁸² Франциск. *Письмо Давиде Просперу*.

я принадлежал к нему. Положив начало Движению, я выступил первым игроком. Поэтому, когда после первого урока, после первого дня преподавания в лицее Берше мне встретились на улице первые трое ребят, я пошел домой, охваченный тревогой на свой собственный счет: с какой ответственностью, с каким самосознанием, с каким участием надлежало мне отвечать и соответствовать тому, что я начал ощущать, говоря с ними! Я понимал, что не мог увидаться с ними на следующий день, не заняв позицию перед развивавшейся ситуацией: я принадлежал тем трем ребятам, принадлежал не им, а единству с ними. Что-то произошло»⁸³.

Следование, исполненное нищенской просьбы ко Христу (следуют нищие, как говорили мы вчера вечером, те, кто ни на что не претендует, кому нечего защищать), есть путь. Это вселяет в нас простосердечное дерзновение, и мы становимся свидетелями. Оно наделяет нас силой свидетельства, которое в то же время лишено притязаний, и делает нас способными улавливать любой отзвук истины в каждом встреченном человеке ради того, чтобы Его, Иисуса, познавали и любили, ради того, чтобы Он мог спасти нас и мир. Пеги сказал бы, что наше призвание – «кормить... / Нашей плотью и кровью, / Нашим сердцем, / Вечные Слова, произнесенные во времени и во плоти. / Поддерживать... и хранить живыми во времени / Эти слова, произнесенные живыми во времени»⁸⁴.

«Ты упования живой родник». Мария и Церковь

Я хотел бы завершить лекцию, подчеркнув аналогию, на которой настаивает и вся традиция, между Церковью (и нашей компанией) и Богородицей. Прежде всего обращусь к тому, что говорит о Деве Марии Пеги. На фестивале «Encuentro Madrid» в 2021 году во время интервью нашего друга Рафаэля Хереса с французским философом Фабрисом Хаджаджем последний дал нам ключ к истолкованию: «С богословской точки зрения, надежда есть добродетель, рождающаяся, когда соединяются вера и любовь, когда небо и земля, грешник и святой, плоть и чистота соединяются. Поэтому в каждое свое рассуждение о надежде Пеги вплетает прекрасное размышление о Деве Марии, плотской и чистой. Здесь-то и кроется трудность. Очень легко быть только на небе или только на земле.

⁸³ L. Giussani. *Appartenenza alla dimora come movimento verso l'unità della vita // Litterae Communionis – Tracce*. № 1. 1997. P. III.

⁸⁴ Ш. Пеги. *Избранное...* С. 294.

Но труднее быть на обоих полюсах и обращаться к небу, не отрываясь от земли, а иначе мы получим религию, которая станет опиумом для народа. Но нельзя пребывать и только на земле, чтобы, например, во имя осуществления простой человеческой справедливости в конце концов все уничтожить, все выкорчевать, и хорошую пшеницу и плевела; нужно оставить место для последнего [Страшного] суда»⁸⁵.

А вот что пишет Пеги: «Всем тварям чего-то недостает. / <...> / Плотским недостает как раз быть чистыми. <...> / Но чистым как раз недостает быть плотскими. / А у нее нет такого, чего бы ей доставало. / Разве что быть самим Богом. / Быть ее Творцом. / (Но это в порядке вещей). / Потому что, будучи плотской, она чистая. / Но будучи чистой, она и плотская также»⁸⁶.

Пеги видит в уникальном единстве Марии Ее роль – быть «залогом нашей надежды». Но если верна аналогия Мария-Церковь, то и в Церкви и в нашей компании парадоксальным образом сосуществуют чистое и плотское. Именно это воплощает работа Луки делла Роббиа «Посещение Марией Елисаветы», созданная в 1445 году, – первая известная нам полнорельефная глазурованная статуя из терракоты. Пожилая женщина бросается к коленям Марии, такой юной, почти девочки, ибо Она благодатная, Она уже полна благодати. Присутствие Христа проявляется в этой молодости – детской и зрелой, полной осознания Тайны и всецело прекрасной: Она и есть девочка надежда. Благодати полная: вот образ Церкви, нас, нашего Движения. В знаменитом коротком обращении (одном из последних) к участникам паломничества в Лорето по случаю пятидесятилетия Движения Джуссани молился так: «О Богородица, Ты залог нашей надежды! Это важнейшая фраза для всей истории Церкви, в ней заключено все христианство. „Ты залог нашей надежды“ означает расцвет всего сущего. Без Богородицы мы не могли бы быть уверены в будущем, потому что гарантию будущего дает нам Христос, Тайна Бога, ставшего человеком. <...> Таким образом, для нас молитва ко Христу все больше отождествляется с молитвой к Богородице»⁸⁷.

⁸⁵ Fabrice Hadjadj. *Una vida en clave de esperanza. Diálogo con Rafael Gerez Kraemer* / A cura di Carmen Giussani. Madrid: Bookman, 2021. P. 65.

⁸⁶ Ш. Пеги. *Избранное...* С. 285.

⁸⁷ L. Giussani. *Pellegrinaggio a Loreto*. 16 ottobre 2004. Nel cinquantésimo anniversario della nascita di Comunione e Liberazione // *Tracce*. № 10. 2004.

Закончу, процитировав приветствие, с которым отец Джуссани обратился к участникам Митинга в Римини в 2002 году (в последние годы своей жизни он при любой возможности говорил о Марии⁸⁸): «Ты упования живой родник. Надежда – единственная станция, где на мгновение останавливается великий поезд вечности. Ты упования живой родник. Ибо без упования, без надежды, жить невозможно. <...> Пусть этот живой родник упования, надежды будет каждое утро – каждое утро – самым пронзительным, стойким и непосредственным смыслом жизни, какой только может быть. Мы друзья ради этого. Давайте останемся друзьями; как нам оставаться друзьями? <...> Ты упования живой родник. Желая вам, чтобы мы были товарищами, чтобы мы чувствовали, что мы друзья до глубины сердца, даже если мы не знаем друг друга напрямую. Мы знаем друг друга косвенно, но даже больше, чем если бы это было напрямую. Живой родник, Дева-Мать, предызбранная промыслом вершина. Невероятно! Говорить это спустя семьдесят лет – поистине поразительно. Очевидно, что в мире нет ничего надежного, кроме этого. Пока! И простите мою дерзость»⁸⁹. И мою!

Regina coeli

⁸⁸ Напомним, что в новое издание книги «Зачем Церковь», опубликованное в 2003 году, отец Джуссани пожелал добавить заключительную главу о Марии – истоке и образце Церкви и нашей компании. В частности, там говорится: «Богородица вводит нас в Тайну, то есть в смысл наших дней, в смысл протекающего времени; Ее взор направляет нас в пути, нас воспитывает Ее пример, Ее образ становится замыслом наших намерений. Она, Мать щедрая, порождает для нас великое присутствие Христа. Нас утешает, прощает, поддерживает, насыщает, обогащает, радует Присутствие, Которое возрождается от плоти Богородицы. Поэтому мы каждый день молим Ее соделать нас причастниками Ее свободы, Ее открытости, Ее пути» (Л. Джуссани. *Зачем Церковь*. С. 263).

⁸⁹ L. Giussani. *Fontana vivace // Tracce*. № 8. 2002. P. 2–3.

Суббота, 13 апреля, день

Вольфганг Амадей Моцарт

Концерт для фортепиано до минор № 24, К 491

Фортепиано – Клара Хаскил

Оркестр Ламурё – Игорь Маркевич

«*Spirto Gentil*», n. 32, (Philips) Universal

■ ВТОРОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Джованни Паккози

Радость нищего

Во второй лекции мы опять обратимся к тексту отца Джуссани 1961 года, который уже неоднократно цитировали сегодня утром. Последний пункт называется «Возвышенное в повседневной жизни».

«Есть два несомненных фактора опыта, знакомых каждому, кто причастен к общине Церкви [к месту, где Христос присутствует, делая возможной нашу надежду], кто живет ее литургией: *уверенность* и *действенность*. Глубоко смиренная уверенность, потому что ее основание – не во мне, а в Том, в Ком все осуществимо. „In spem contra spem. Spes autem non confundit“ [Надеясь против надежды, надежда не постыжает]. Действенность же не сводится к определенному времени и не отождествляется только с определенными начинаниями, но охватывает каждое мгновение и искупает полезностью благородной задачи каждый самый краткий жест. Действенность воплощает возвышенное в кажущейся банальности самой простой жизни». И тут он говорит замечательную фразу: «Разве возвышенное не может быть повседневным, как вино и вода?»⁹⁰

Какая захватывающая перспектива! И она возвращает нас ко всему, о чем мы размышляли сегодня утром, к уверенности, которая распространяется на будущее именно в силу близости к *возвышенному*, к Тайне.

⁹⁰ L. Giussani. *Porta la speranza...* P. 161–162.

А Тайна сделалась присутствием, облакающим обычные вещи и превращающим их в знак возвышенного, придающим им *священную* ценность. Отец Джуссани завершает статью, напоминая о необходимости приучать к надежде: «На этой земле человек принадлежит Христу только в надежде. Поэтому именно через воспитание надежды человек проникает в опыт искупления»⁹¹. Но как приучать к надежде?

Прежде чем перейти к ответу, позволю себе небольшое отступление. Сегодня, когда мы затронули тему второй лекции, один человек напомнил мне, как в книге «L'attrattiva Gesù» («Притягательность Иисуса») отец Джуссани призывает нас не забывать о двух вещах⁹². С одной стороны, об изумлении, о привлекательности реальности, вещей, которая приводит в движение наше желание. С другой, о том, что воспитание надежды требует жертвы – в том смысле, в каком мы говорили о ней в первом размышлении; жертвы, делающей *священными* все вещи, в результате чего мы признаем их зна́ком того, что влечет нас больше, чем сами вещи. Утром я сказал: подумайте, каким взглядом обладает человек, который видит все сущее, все отношения, всех людей как нечто священное, поскольку признает их местом явления Тайны.

Итак, как же воспитывать надежду? Обратимся к книге «Можно ли жить так?», чтобы понять, как опыт искупления может стать осознанием настоящего мгновения, близким – подобно хлебу и вину.

Чувство, возникающее в человеке, живущем надеждой, – *доверие*, но, утверждает отец Джуссани, есть один момент, препятствие, которое нужно преодолеть, чтобы жить в настоящем такой близостью, полной доверия по отношению к будущему. «В пути от надежды к доверию преградой может стать закрепление уверенности в будущем за определенными вещами, которые уже есть у нас: например, деньги, волосы, золотые очки, дружеские связи, покровительство старших, красивый голос, мускулы, – для каждого свое.... Что может помешать доверию? ...что-то, чем мы обладаем, что мы считаем достойным нашего доверия; что-то, чем мы уже обладаем. Но в таком случае речь идет о том, чтобы не обладать, по крайней мере определенным образом, и добродетель, которая говорит о необладании, – это добродетель нищеты»⁹³.

⁹¹ *Ibidem*. P. 162.

⁹² L. Giussani. *L'attrattiva Gesù*. Milano: BUR, 1999. P. 34–37.

⁹³ Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 223.

Возможно ли, что отец Джуссани, обращаясь к такой основополагающей и вызывающей много споров теме, как *нищета*, перечисляет среди препятствий к переживанию доверия мелкие, почти смехотворные вещи? Неужели *надежде* и вытекающему из нее жизненно важному чувству – *доверию* – может помешать пристрастие к волосам, к золотым очкам, к умению петь, к мускулам? Джуссани приводит именно такие примеры. Из этих благ, казалось бы, смехотворных, состоит наша повседневная жизнь. Даже страх охватывает при мысли, к какому огромному количеству вещей мы можем привязаться, как, чтобы смотреть в будущее, мы порой возлагаем нашу уверенность на обладание определенными благами в настоящем, а не на Его несомненное присутствие здесь и сейчас. Возлагать уверенность на «определенное» обладание в настоящем – значит чинить препятствия надежде. «„Определенное“ значит установленное нами, закрепленное нами, нами выбранное из того, что нам удобно, что больше нас убеждает, что дает большее богатство и большую экономическую стабильность»⁹⁴. Надежда как уверенность в будущем рождается от обладания Христом сейчас. Вера позволяет мне признавать Христа, присутствующего здесь и сейчас, благодаря чему я уверен в будущем. Напротив, уверенность, возложенная на определенное обладание, на обладание определенной вещью, – препятствие. У нас есть что-то, и потому мы уверены. В случае с будущим мы точно так же желаем чего-то, и надежда сводится лишь к этому. Мы находимся перед вопросом, в котором не может быть «и-и» («Я могу надеяться на Христа и на экономическое благополучие»; «Я могу надеяться на Христа и на успех»), а есть лишь «или-или». Все хорошо помнят, что Иисус говорит об альтернативе: служить Богу или маммоне⁹⁵. Кроме того, добавляет отец Джуссани, все остальное, что не есть вера и на что ты возлагаешь свою уверенность, недолговечно и со временем исчезает.

Я хотел бы сделать одно замечание касательно того, как порой таким своевольным образом мы умаляем и нашу принадлежность к Церкви и к харизме. Мы можем связывать нашу уверенность в будущем с нами же созданным образом нашей компании, с нашими представлениями о том, что мы встретили, а не с объективным присутствием Христа в конкретной истории харизмы – в том виде, в каком она достигает нас сейчас, на реальной дороге, которую Церковь признает местом несомненного при-

⁹⁴ Там же. С. 224.

⁹⁵ Ср. Лк. 16:13.

сутствия Христа. Мы тоже можем судить о нашей истории в терминах «волос, золотых очков, умения петь», на основании того, что мы чувствуем или не чувствуем определенные вещи, испытываем инстинктивную симпатию или нет. Вместо того чтобы обладать чем-то, что постоянно нам дается, что мы получаем, что не зависит от нас, мы возлагаем нашу уверенность на то, что сжимаем в руках и над чем властны, на «определенные вещи», угодные нам. Условие, позволяющее вырваться из плена подобных редуций веры и надежды, – нищета.

Подступаясь к вопросу нищеты *извне*, начиная с описания нищеты как условия для того, чтобы не низвести себя до мерила вещей, на которые мы уповаем, Джуссани переходит к изложению основания, на котором держится ценность нищеты: «На чем же основывается ценность нищеты? На уверенности в том, что именно Бог совершает. Христос исполняет желание, которое Он зародил в тебе: „Начавший в вас доброе дело будет совершать его даже до дня Иисуса Христа“»⁹⁶.

Уверенность в том, что Он исполнит обещание, освобождает нас от вещей. Вот непосредственный плод нищеты – *свобода*. «Ничто не поработает тебя, ты ничем не связан, ничем не скован, ни от чего не зависишь: ты свободен. <...> ...ты не являешься рабом того, что используешь, потому что ты раб только Того, Кто дает тебе уверенность в твоём счастье»⁹⁷.

Давиде вчера упомянул эпизод о богатом юноше. Он должен был решить, к чему на самом деле привязано его сердце, и в этой драме мы отчасти узнаем и себя. И освобождает нас именно признание, что источник уверенности – лишь во Христе. Но какая нищета нужна для этого! Мы вечно пытаемся искоренить ее, релятивизировать, позволив привязанности к вещам поработить нас. В результате, как всегда бывает, когда мы отходим, пусть минимально, пусть даже на миллиметр от того, что нам предлагается, мы теряем лучшее.

В феврале Движение советовало в качестве книги месяца самобытную биографию святого Франциска, написанную Честертоном⁹⁸. В ней автор описывает нищету Франциска парадоксальным (ему это свойственно!), но весьма убедительным образом.

Он начинает с определения, которое дал себе сам Франциск, называвший себя «*божьим скоморохом*», и говорит, что перспективу, которая

⁹⁶ Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 226.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Г. К. Честертон. *Вечный человек*. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2004. С. 7–102.

однажды для него перевернулась и стала его взглядом на мир, можно сравнить с тем, как смотрит на него жонглер, ходящий на руках. «Любой пейзаж, – пишет Честертон, – можно увидеть точнее и яснее, если его перевернуть»⁹⁹. Таинственный переворот, случившийся в жизни Франциска, когда он обнял нищету как невесту, действительно можно представить через картину мира, увиденного из положения вниз головой. Разберемся, что это значит, поскольку образ жонглера может привести нас в недоумение. «Если человек увидит мир вверх ногами, а все деревья и башни – вниз головой, как в пруду, он яснее почувствует, что такое зависимость (ведь и слово „зависимость“ происходит от слова „висеть“). <...> Для обычного глаза тяжелая кладка стен и весомость башен говорили о надежности, прочности; но тому, кто видел город вверх ногами, он казался незащищенным и беспомощным. <...> Уже не гордясь своим сильным городом, который не сдвинуть никому, он [Франциск] благодарил Всемогущего за то, что город не рухнул в бездну. Он благодарил за то, что вся Вселенная не оборвалась, словно огромная сосулька, и не рассыпалась мириадами звезд». Тут он добавляет трогательную фразу: «Быть может, так видел и Петр, когда висел на кресте вниз головой»¹⁰⁰.

Видеть, что все подвешено на любви Того, Кто все дарует нам, дарует здесь и сейчас. И потому быть нищим – значит предстоять перед всем, получать все в благодарности и без притязаний. Сегодня утром мы говорили, что любая вещь имеет значение исключительно в силу бытности своей даром и знаком Единственного необходимого, Христа. Честертон предлагает изумительный образ: человек сознает, что вся реальность, включая все в нас, в этот самый момент исходит от Бога, порождающего ее, она «подвешена на Нем». На следующих страницах писатель развивает свою мысль, объясняя, что взгляд «мистика» видит вещи в момент, когда они исходят от Бога, вызывающего их к бытию. Например, он утверждает: «Тот, кто видел мир на волоске милости Божьей, видел истину, если хотите – неприкрытую. Тот, кто видел свой город перевернутым, видел его правильно»¹⁰¹.

Так Честертон улавливает и показывает нам корни францисканской *радости*, характеристики, которую и отец Джуссани называет самым прекрасным плодом нищеты, воплощенной в жизнь: «Наверное, покажет-

⁹⁹ Там же. С. 46.

¹⁰⁰ Там же. С. 48–49.

¹⁰¹ Там же. С. 51.

ся парадоксом, если я скажу, что человек обретает радость, когда узнает, в каком он долгу... <...> [бесконечный] ...заимодавец [Бог, давший нам все] разделяет радость [бесконечного] должника, точнее, оба должника и оба заимодавцы. Долг и зависимость становятся радостью, когда речь идет о незапятнанной любви»¹⁰².

Радость, ликование Франциска проистекают от знания, что всё благодать, дар, исходящий от незапятнанной Божией любви, которой он без колебаний вверяет себя. Отец Джуссани замечает: «Свобода от вещей, которую несет в себе нищета, рождает чувство, какое бывает только у нищего, то есть у того, кто не закрепляет надежду своей жизни за определенными вещами, выбранными им. <...> Из этой свободы от вещей, рождающейся от уверенности в том, что Бог Сам совершает все, вытекает другая отличительная черта нищей души – тихая радость, символом которой в истории христианства стал святой Франциск»¹⁰³.

Когда тебе нечего защищать, когда ты получаешь все в настоящее мгновение с уверенностью во Христе, ты становишься радостным. «От веры рождается надежда, и надежда содержит в себе тихую радость; человек может обрести и переживать радость только при уверенности в некотором будущем»¹⁰⁴. Признавая, что все дар (а без такого сознания все вещи утратили бы свою состоятельность; вещи превратились бы в руины, если бы я не отдавал себе отчет в том, что в этот самый момент Бог поддерживает и их, и меня), я уверен, что будущее благо, что *лучшее еще впереди*, потому что именно так Бог ответит на образующие меня желание и ожидание. Отсюда и радость. И Он ответит, ответит непредвиденным, неизменно новым образом, и я уверен и не испытываю страха перед неизбежной жертвой, которая становится условием еще более ясного сознания: лишь Бога достаточно. «*Quid animo satis?*»

«В первой книге школы общины я писал о том, что читал одну книгу о францисканцах, в которой каждая глава начиналась с виньеточных букв. В начале одной из глав была буква Q (с этой буквы начиналась глава), и у этой Q хвостик был нарисован в виде птички, а внутри буквы была изображена фигура святого Франциска перед восходящим солнцем – символ человеческой чувственности нашего народа, нашей расы перед лицом самого прекрасного объекта природы: это тихая

¹⁰² Там же. С. 52.

¹⁰³ Ср. Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 227.

¹⁰⁴ Там же. С. 228.

радость. И с этой *Q* от ног святого Франциска начиналась фраза „*Quid animo satis*“ – чего душе достаточно? И в самом деле, именно в этом вопросе заключается выражение тихой радости (чего душе достаточно?), потому что отношение между святым Франциском и самым прекрасным явлением природы было вечной перспективой, перспективой вечного, знаком вечности. Так, в истинной любви есть тихая радость в той мере, в коей нет в ней обладания. Не случайно, говоря о целомудрии, мы будем говорить о том, что это высший уровень нищеты, и именно поэтому, посвящая себя Богу в целомудрии, нужно отдавать и деньги, потому что без нищеты нет чистоты посвящения. [Мне рассказывали, что в США людей больше всего поражает в наших друзьях из *Memores Domini* не столько жизнь в целомудрии, сколько тот факт, что у них все деньги общие. Американцам, а порой, пожалуй, и нашим семьям такое кажется невозможным.] Отношения любви, отношения привязанности делает радостными именно перспектива вечности, и, делая их радостными, она делает их свободными от условий: чем больше отдаление в отношениях, тем более радостными они становятся. Этим не исчерпывается все то, что можно наблюдать и описывать в разных ситуациях: в них может быть начальный период большего удовольствия, но речь идет об удовольствии, а не о тихой радости; тихая радость остается»¹⁰⁵.

Третья характеристика человека, живущего нищетой и в свободе, – он ни в чем не нуждается. Ты ни в чем не нуждаешься. «*Нищий – тот кто уверен в некоторых великих вещах*». И потому он ни в чем не испытывает недостатка, а если чем обладает, так только для того, чтобы это отдавать. Отец Джуссани говорит: «Утверждать Другого как значение себя самого – это не значит отдать в общий фонд деньги, а все отдать, всего себя отдать в общий фонд»¹⁰⁶. Утверждать Другого, то есть «великое Присутствие, позволяющее созидать мое отношение с реальностью, мое дело и мое вмешательство в реальность, позволяющее моему труду выстраиваться на моих глазах в нечто полезное и прекрасное»¹⁰⁷. Ради чего стоит жить, если не ради этого?

Последнее замечание, с помощью которого отец Джуссани развивает тему нищеты как условия доверия (а доверие – восприятие жизни, рож-

¹⁰⁵ Там же. С. 230.

¹⁰⁶ Ср. Там же. С. 232.

¹⁰⁷ L. Giussani. *Certi di alcune grandi cose (1979–1981)*. Milano: BUR, 2007. P. 386.

дающееся от надежды), уточняет, что нищета является также условием отдаления, необходимого для познания.

Думаю, всем нам хорошо знаком пример из двенадцатой главы «Религиозного чувства», где говорится о необходимости отойти от картины, чтобы увидеть ее: когда смотришь со слишком близкого расстояния, она кажется лишь нагромождением пятен и, напротив, на правильном отдалении оживает, наполняясь красотой и гармонией¹⁰⁸.

Джуссани вновь возвращается к святому Франциску и его поразительной фразе: «После Бога и творения – Клара». Вот как он ее комментирует: «Невозможно представить себе более великое превознесение любви. Но подумайте о том, какое отдаление было между ними с точки зрения метров и даже десятков метров. В самом деле, вопрос не в мере, а в конечном счете в компании, составляющей контекст (в глазах Франциска Клара находилась в великой компании вселенной [то есть Бога]), вопрос не в мере, а в компании, и в конечном счете в любви, то есть в отдаче себя, в даре себя. Лучше говорить об отдаче себя, потому что это слово проясняет идею дара; в даре человек оставляет за собой право на уважение к нему за то, что он дал, право на благодарность, и от этого все теряется; в то время, как в отдаче себя этого нет, она чиста. Чем сильнее человек любит, тем больше он отдает себя самого, утверждает только другого»¹⁰⁹. Человек познает и любит на отдалении, возможном благодаря нищете.

Итак, будучи нищим, ты уже больше не привязываешься к вещам и к людям ради твоей уверенности, ты привязан к ним исключительно в свете их судьбы, а значит, их блага и истины: «Чем сильнее мы любим, тем отношение становится непринужденнее, легче и свободнее»¹¹⁰, без каких-либо притязаний. Нищета позволяет обладать и пользоваться вещами, как бы не обладая и не пользуясь. Такое описание нищеты мы находим в Послании апостола Павла к коринфянам: «Я вам сказываю, братия: время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие; и плачущие, как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего»¹¹¹.

¹⁰⁸ См. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 144.

¹⁰⁹ Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 236.

¹¹⁰ Там же. С. 242.

¹¹¹ *1 Кор.* 7:29–31.

Доверие – быть подвешенными над полнотой

В книге «Можно ли жить так?» отец Джуссани приводит поразительный образ, и он сразу же мысленно возвращает нас к процитированному ранее тексту Честертона. Кажется, из-за отказа, которого требует нищета, мы как будто висим над пропастью, без какой-либо опоры. На самом же деле, «нищета предназначена не для того, чтобы оставлять нас подвешенными над пустотой. Напротив, нищета, которая рождается от надежды, предназначена основывать, превозносить, возвеличивать все, наполнять весь мир, на который с жадностью смотрят наши глаза, доверием. Следствием нищеты, которая рождается от надежды, является доверие, и доверие полностью противоположно подвешенности над пустотой. Доверие – это противоположность тому, чтобы быть подвешенными над пустотой: доверие – это *быть подвешенными над полнотой*»¹¹².

Присутствие, открытое нами в вере, поддерживает жизнь сейчас и всегда, и потому мы можем смотреть в будущее с доверием Другому (латинское слово «доверие», *fidere*, происходит от *fidere se alicui* – «доверять себя кому-то»), Ему – без страха, вплоть до свершения нашей судьбы.

А. Отдача себя

Доверие, продолжает отец Джуссани, выражается в *отдаче себя* – как когда ребенок отдается материнскому объятию. Отдача себя, увиденная глазами Бога, как описывает ее Пеги, – такая отдача свойственна надежде, именно в ней сила человека: он отдается, и это приводит в растроганность Самого Бога. *Девочка надежда* добивается всего, чего хочет, как маленькие дети. «Они умнички, делают вид, будто они ни при чем. / Плутышки, / они прекрасно знают, что делают, / невинные. <...> / С их невинным видом. / С их видом полного незнания. / Незнания»¹¹³. Паоло Проспери в книге, посвященной Пеги, пишет: «Не зная ничего, ребенок знает то, что когда-то знал и взрослый, но забыл. Он знает о парадоксальной силе чистого ожидания, о той просьбе, которая черпает энергию своего порыва не от ощущения собственных заслуг, а от всецелого доверия бескорыстной любви, которая предшествует любым заслугам»¹¹⁴.

¹¹² Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 243.

¹¹³ С. Péguy. *I misteri*. P. 179.

¹¹⁴ P. Prosperi. *Mistero dei misteri. La speranza secondo Péguy*. Brescia: Scholé-Morcelliana, 2023. P. 137.

Бог смотрит на нас, «лелеет» нас, говорили мы сегодня утром, как отец лелеет свое дитя, когда мы доверяемся Ему, почти что с притязанием, которое притязанием не является, ибо подпитывается не нашими мыслями, а лишь доверием Ему. Оно подобно сообразительности детей, знающих, что они не могут похвастаться никакими заслугами, и потому могущих одно – отдаваться. Послушаем Пеги: «Дети – новые творения. / Они тоже, они особенно, они в первую очередь берут небо силой. / *Rapiunt*, захватывают. / Какая желанная сила и какая нежность силы. / Как отец охотно терпит, / как ему нравится терпеть насилие этой силы, / объятия этой нежности. / Что касается меня, говорит Бог, то я не знаю в мире ничего столь прекрасного, / как озорное дитя, беседующее с добрым Богом / в глубине сада. / Маленький человечек, который рассказывает о своих печалях доброму Богу / с самым серьезным видом в мире»¹¹⁵. «Благословенное детство. / Все их маленькое тело. / Вся их маленькая личность. / Все их маленькие жесты, они полны, они избыточны, они сочатся надеждой. <...> / Вы, дети, подражаете Иисусу. / Вы не подражаете Ему. Вы *суть* младенцы Иисусы. <...> / В детстве мы приближаемся к Иисусу»¹¹⁶.

Основанная на доверии отдача себя – это отдача Иисуса Отцу. Так мы понимаем, что быть как дети не значит страдать инфантильностью, но отдаваться Ему, даже перед лицом жертвы, страданий, боли, отдаваться с «простосердечным дерзновением», с уверенностью, выраженной в сто тридцатом псалме («как ребенок, отнятый от материнской груди»¹¹⁷) – не зная наперед, что произойдет, но в уверенности, что со Христом можно бесстрашно отправиться хоть на край света. Такое доверие должны были испытывать апостолы, пребывая с Иисусом. Отец Джуссани замечает: «Знак отдачи себя – в том, что у человека как бы пересыхают все источники гордости; он не гордится больше, для него становится невозможным

¹¹⁵ С. Péguy. *I misteri*. P. 388.

¹¹⁶ *Ibidem*. P. 180–181.

¹¹⁷ «Господи! Не надмевалось сердце мое и не возносились очи мои, и я не входил в великое и для меня недостижимое. / Не смирял ли я и не успокаивал ли души моей, как дитяти, отнятого от груди матери? Душа моя была во мне, как дитя, отнятое от груди. / Да уповает Израиль на Господа отныне и вовек» (Пс. 130) «Ребенок, отнятый от груди матери, привыкший к другой пище, спокойно сидит на ее руках, ничего от нее не требуя. С таким ребенком сравнивает себя Давид, с полной верой полагавшийся на помощь Божию и не предъявлявший к Нему никаких требований» (Из толкования на Пс. 130 А. П. Лопухина. – *Примеч. ред.*). Ср. переводы этого же псалма, сделанные прп. Макарием (Глухаревым) и И. П. Горским-Платоновым.

гордиться, потому что ничто не принадлежит ему; все принадлежит ему, если ничего не принадлежит ему»¹¹⁸.

Б. «Все могу в укрепляющем меня Христе»¹¹⁹

Такая отдача себя в доверии не отменяется предательством, которому мы снова и снова поддаемся. «Симон, любишь ли ты Меня?» Его милосердие сильнее наших падений, если мы смотрим Ему в лицо.

«Нужно не фантазировать и стремиться к совершенству, а смотреть в лицо Христу... <...> Не создавать проекты по достижению совершенства, а смотреть в лицо Христу, смотреть кому-то в лицо! Ведь это проще простого, легче легкого... но ужасно неудобно, неудобно потому, что ты не можешь следовать за самим собой. Счастье – это следовать за Другим. Конечно, смотреть в лицо Христу и не строить проектов по достижению совершенства означает смотреть на Христа, на самом деле желая блага, на самом деле желая быть истинным, на самом деле желая любить – на самом деле нуждаясь в Тебе, о Господи»¹²⁰.

«Все могу», но не в смысле разгильдяйского отношения, когда я думаю, что могу ошибаться, ведь меня всегда прощают (такое заблуждение быстро проходит, потому что разгильдяйство поглощает меня), а с истинным желанием Христа, с желанием, чтобы Он простил.

Нам случается впадать и в двусмысленность, и мы говорим, что пребываем в русле правильной реки, которая несет меня вперед, что бы я ни делал. Каррас говорил: «Как же повезло нам, тем, кто встретил Джуссани!» Встреча с Джуссани – действительно огромное везение, величайшее везение, однако, если ты полагаешься на течение, по-настоящему не желая измениться, следуя как бы издалека, без *простосердечного дерзновения*, со временем это утомляет.

Я ясно осознал такой риск в Лиме в 2008 году, когда умер наш большой друг, Слуга Божий Андреа Ациани. Многие из вас читали книгу о нем¹²¹. Поскольку Бог являет Свое милосердие через конкретные лица, через конкретное лицо нашей компании, все мы – те, кто ежедневно был свидетелем его реальной святости, полной милосердия и пылкого призыва, с какими Андреа отдавал всего себя и относился к нам, мы чувство-

¹¹⁸ Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 247.

¹¹⁹ Ср. *Флп.* 4:13.

¹²⁰ Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 248.

¹²¹ G. Mereghetti, G. C. Peluso. *Andrea Aziani. Febbre di vita*. Castel Bolognese: Itacalibri, 2023.

вали, что он чуть ли не несет нас на плечах со всеми нашими ошибками. Мы всегда могли смотреть на него и, смотря на него, могли вновь и вновь направлять наш взгляд туда, куда был направлен его взгляд, – на Движение, на Христа. Однако порой мы оправдывались этим, чтобы не брать на себя ответственность и не становиться простыми, как он, не доверять Христу, как он доверял. И когда он умер, умер внезапно, у нас не осталось оправданий. И мы ощутили себя потерянными. Что теперь? Кто поднимет нас после наших ошибок? На кого нам смотреть? Это был серьезный вызов, нам пришлось признать, что теперь мы должны были сделать шаг вперед – не с точки зрения наших способностей, а в простоте и искренности истинного доверия конкретному лицу, на которое всегда смотрел Андреа, доверия харизме, Церкви, Иисусу, доверия чистого и всецелого (как доверие детей). Мы могли больше не завидовать его доверию, а начать испытывать его сами.

Пеги говорит о том, что мы смотрим на Бога в свободе и бескорыстности, как дети, а не как боязливые слуги. И Богу угоден такой взгляд, Он благоволит к нему. Это прекрасные страницы, показывающие всю человеческую статью, расцветающую благодаря надежде на Христа, благодаря доверию, полному самоотдачи, благодаря непоколебимой уверенности в совершении Его обещания.

«Какой смысл в любви раба?» «Когда узнаешь, что такое быть любимым свободно, теряешь вкус ко всякой покорности. <...> / Как их свобода есть отблеск Моей свободы, / Так Мне нравится видеть в них бескорыстность, / Словно отблеск бескорыстности Моей благодати. / Мне нравится, что они молятся в каком-то смысле не только свободно, но бескорыстно. / Мне нравится, что они преклоняют колени не только свободно, но бескорыстно. <...> Мне нравится, наконец, что они любят не только свободно, но бескорыстно»¹²².

Вот радость доверия, вот надежда на Него – не на то, чтобы получить согласно нашим представлениям о том, чего мы просим. Вот тихая радость святого Франциска, видящего, как все вещи непрестанно истекают от *полноты* Бога. Когда постоянно открываешь, что ты желанен и любим, бескорыстно и свободно предаешь себя в руку Бога, ведущую тебя по жизни.

¹²² Ш. Пеги. *Избранное...* С. 350, 331, 336.

В. От доверия – к празднику, от праздника – к миссии

Сделаем еще один шаг. Быть любимыми, желанными, прощаемыми – *праздник*. Более того, праздник начинается уже со взгляда в лицо Иисуса: «...при каждом нашем пробуждении, в каждое утро, каждый раз, когда ты говоришь: „Боже!“ – каждый раз, когда ты смотришь на Него и говоришь: „Господи, прости меня“, – случается праздник. Это праздник, происходит праздник; доверие – такое расположение духа, которое любое твое положение преобразует в праздник [это праздник возвращения блудного сына]. Если в тебе есть доверие, то и от всех твоих слабостей рождается возможность побеждать вместе с Тем, в Ком твоя сила, рождается способность побеждать, которая есть дерзость тех семи или восьми учеников, первыми последовавшими за Ним. Их было семь или восемь, и они уже осознавали и повторяли себе, что они победят мир, что они новый народ Израиля, – тот народ, который победит мир, потому что они были с Ним»¹²³.

Думаю, та же мысль вдохновила отца Анаса на песню «Праздник вот-вот начнется»: праздник – сидеть на берегу Божьего моря, не быть хозяевами самим себе, но отдавать себя Ему, доверяться Ему и Его замыслу. «Праздник вот-вот начнется. / Беги и не останавливайся, друг мой. / Это празднование конца зла / На берегу Божьего моря. <...> / И шаг за шагом по направлению к морю / все упрощается и начинается. / Я не чувствую боли, которая была бы моей. / Я страдаю от любви и радости, как Бог»¹²⁴. Нет больше моей боли, моей жертвы: есть жертва Иисуса и боль Иисуса во мне. Это праздник нашего освобождения, праздник, устроенный отцом в честь возвращения его блудного сына.

Но тогда праздник – *миссия*, потому что в мире появляется новое, праздничное присутствие, человек, который достиг полноты и переживает обстоятельства, отдавая все, чтобы Он был признан, чтобы воодушевляющая его надежда могла возродить надежду других людей. Помните, в тексте Дня начала года был такой пункт: «От веры к миссии»¹²⁵?

В журнале «Трачче» за декабрь 1999 года я нашел текст «Юбилей и жизнь». Он, как мне кажется, будет полезен для понимания миссии, к которой мы стремимся в надежде. Отец Джуссани говорит: «Во время

¹²³ Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 250.

¹²⁴ А. Anastasio. *La festa sta per cominciare*.

¹²⁵ Д. Проспери, Ф. Кассезе. *Вера – свершение разума*. С. 14–15. <https://ru.clonline.org/publications/other-texts/miscellany/vera-svershenie-razuma>.

пастырского визита в Гватемалу в марте 1983 года Иоанн Павел II назвал Христа новым оружием нового мира. Однако, такая надежда опирается не на мои возможности или на возможности проекций „я“ – общества, начальников, вещей, создаваемых человеком. Новая жизнь, новая надежда основаны на Присутствии. По сути, вера есть признание Присутствия, и признание Присутствия восстанавливает душу тысячу раз на дню, в какой бы ситуации ты ни находился, даже в смерти, а значит оно дает и способность открываться перед другими с чистотой и, следовательно, с бескорыстием. Вот почему Христос, Испытатель человека, касается не только жизни иной, но и жизни в настоящем, в этот час, через час, в компании, где я нахожусь, в компании, где буду. И значит, надежда безбрежна и объемлет весь мир. По природе своей эта надежда социальна. Ее природа такова, что не существует проблем, или нужд, или человеческих ситуаций, которые бы ее не затрагивали, которые бы не вызывали у нее положительный интерес. Великая формула христианской жизни, принадлежащая апостолу Павлу, гласит: „In spe contra spem“ [сверх надежды с надеждою]. И потому христианин – человек в высшем смысле слова, человек, вовлекающийся в отношение с людьми и вещами в любых обстоятельствах, включая политику, поскольку это Присутствие привело в движение воды нашего тяжелого, ужасного, страшного состояния, нашего огромного болота бессилия, Присутствие вошло в него и привело в движение все, и волны достигают самых дальних берегов, охватывают мир до края земли. Благодаря этому ничто уже не чуждо конкретному мгновению моей жизни; я переживаю конкретное мгновение моей жизни в попытке любить, которая на христианском языке называется „приношением“ [жертвой] ради всего мира. Приношение заставляет меня плакать, скорбя о моей ничтожности, и распахивает меня в радости надежды, потому что оно не опирается на меня, но проходит через меня, я его орудие. И даже если я ничтожен настолько, что могу отдать лишь самую малость, я отдаю эту малость»¹²⁶. Надежда, возложенная на Христа, вселяет в нас желание, чтобы все было объято Его присутствием, чтобы Он обновил надежду мира.

В связи с этим я хотел бы в последний раз процитировать текст 1961 года. Отец Джуссани говорит о «действенности, которая не ограничивается определенными сроками и не отождествляется исключи-

¹²⁶ L. Giussani. *Il Giubileo e la vita // Tracce*. № 11. 1999. P. XII.

тельно с определенными начинаниями, но охватывает каждое мгновение и искупает полезностью благородной задачи каждый самый мелкий жест; о действенности, воплощающей возвышенное в кажущейся банальности самой обычной жизни»¹²⁷. Он говорил это уже в 1961 году! Вопрос не в том, чтобы совершать небывалые поступки, а в том, чтобы делать все, отдавая себя Ему, Тому, Кто делает «возвышенным» каждый жест, превращая его в мое приношение самого себя ради всего мира. И поэтому нужно пребывать в обществе, в повседневных обстоятельствах, сознавая: то, что достигло нас, предназначено для всех.

Миссия живет и осуществляется в принадлежности, в нашем единстве, которое помогает нам нести новый взгляд на реальность, рождающийся от веры, в конкретные ежедневные обстоятельства. Мы должны жить, внося сознание об этом единстве – и сознание не только внутреннее – в банальность повседневной жизни. Быть присутствием в местах конкретной жизни, присутствием самобытным: не вооружаться речами или проектами, а уметь выносить суждение и свободно предлагать новый, сознательный образ жизни, касающийся каждой мелочи, вовлекающий нас всецело, всем нашим существом.

Помните описание первых христиан из «Послания Диогниту»?¹²⁸ Иной мир открывается в мире сем: христиане живут, как все, одеваются, как все, но являются началом иного мира в мире сем. Я хотел бы прочитать вам своего рода современное «Послание к Диогниту» – свидетельство одного друга из Бразилии, который описывает компанию друзей из Движения. «Я замечаю в себе и в компании друзей, вместе со мной живущих верой, некоторое очевидные характеристики. Для моих друзей все обстоятельства, все до единого, имеют смысл, и потому они благодарны за происходящее, даже за страдания. Они смотрят на других внимательным и полным нежности взглядом, поскольку другие – знак присутствия Христа. Они терпеливы и ни на что не жалуются и не злятся, поскольку исход дел – не в их способностях, а во Христе, и все способствует отношению с Ним. Они умеют прощать, поскольку осознают собственные грехи и прощение, полученное за каждую ошибку. Они надеются, поскольку знают: Он грядет, и все содействует Его пришествию. Они не остаются незамеченными на работе, поскольку свиде-

¹²⁷ L. Giussani. *Porta la speranza...* P. 161–162.

¹²⁸ См. *Послание Диогниту*. Гл. 5.

тельствуют о наиболее человеческой форме жизни; их свидетельство о Христе и есть для них форма жизни».

В одной из книг серии «*QuasiTischreden*» отец Джуссани пишет: «Того, кто верит в Иисуса, охватывает сила тайны Христа, она вбирает человека в Его личность, и так он становится единым телом с Ним в прямом смысле слова, и это тело разрастается, ему суждено разрастаться, быть плодовитым»¹²⁹. Меня поразили этот отрывок, потому что Джуссани всегда обосновывает все, что говорит. И обоснование, как вы слышали, – в осознании присутствия Христа, Его прощения, ибо Он смысл всех вещей. И те, кто живет верой и опытом надежды, обнаруживают, что они одно. Отец Джуссани продолжает: «Отношения между Христом и компанией, в которой Он пребывает, делают последнюю плодовитой: этой компании суждено завоевать мир, овладеть миром»¹³⁰.

Помните, в тексте Дня начала года Давиде приводил слова монсеньора Паоло Мартинелли, апостольского викария в Южной Аравии, согласно которым быть миссионерами – значит быть посланными¹³¹, жить в реальности в рамках определенной компании с *сознанием, что ты послан*.

Отец Джуссани говорит об этом так: «Когда нас было четверо в лице Берше, мы были убеждены гораздо яснее, чем кто-либо сегодня: мы созданы, чтобы овладеть миром. Настолько, что через два года первые выпускники попросились поехать в миссию. И еще через два года мы отправились в миссию: это единственный случай миссионерской инициативы, продуманной и обеспеченной (и в плане денег, и в плане людей) молодежью; единственный случай в истории, хотя никто о нем и не говорит. <...> Такой дружбе со Христом суждено быть плодотворной, разойтись по всему миру. По мере ее распространения становится все очевиднее, что она образует в рамках человеческого сообщества народ: народ инаковый, который иначе воспринимает, задумывает, судит, желает, решает и осуществляет»¹³².

В другом тексте он подчеркивает, что доверие Тому, Кого мы встретили, делает Его критерием понимания, суждения и конкретным идеалом любого действия. Его слова свидетельствуют о новом восприятии жизни и мира: «Главный вопрос... заключается в представлении о человеке:

¹²⁹ L. Giussani. *Una presenza che cambia*. Milano: BUR, 2004. P. 368.

¹³⁰ *Ivi*.

¹³¹ Д. Проспери, Ф. Кассезе. *Вера – свершение разума*. С. 14.

¹³² *Там же*.

что означает радикальное изменение, которое Христос произвел в восприятии, в образе, в ощущении человека? Какое изменение Он произвел в понятии ума, в понятии сердца, в понятии народа, в понятии ответственного за жизнь народа, главы и проводника народа? Если все это проявляется, у человека возникает желание, чтобы и в обществе было так, и тогда он ведет борьбу в обществе. <...> Самым важным остается вера – вера осмысленная, вступающая во взаимодействие с происходящими событиями, со временем и пространством, со всем, что в них совершается. Отсюда вытекает новый способ отношения к жене, к детям, к мужу, к согражданам или к предстоящим политическим выборам. Надежда рождается от развитого осознания вести, заложенной в вере (наша сила всегда была только в этом, только в этом!)»¹³³.

Осмысленная вера. Мы должны помогать друг другу выносить суждение: не с целью плодить рассуждения в противовес другим, но чтобы все больше открывать для себя самобытность нашего опыта и, следовательно, обоснованно предлагать его всем. Последние номера журнала «Трачче», посвященные искусственному интеллекту, привязанности и концу жизни стали для меня, как, думаю, и для вас, глотком свежего воздуха! Когда смотришь на эти по-настоящему сложные вопросы и пытаешься выносить суждение, опираясь на Присутствие, позволяющее надеяться, понимаешь, что всякая жизнь исполнена достоинства и любима. Я думаю о свидетельстве тех, кто посвятил себя помощи людям, которые находятся в крайних жизненных ситуациях. Поразительно и трогательно видеть, как от надежды рождается иной, более человечный взгляд. То же можно сказать и о свидетельствах, связанных с миссией. Вспомните, что говорит апостол Петр в своем первом послании: «И кто сделает вам зло, если вы будете ревнителями доброго? Но если и страдаете за правду, то вы блаженны; а *страха их не бойтесь и не смущайтесь. Господа Бога святите в сердцах ваших*; будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением. Имейте добрую совесть, дабы тем, за что злословят вас, как злодеев, были постыжены порицающие ваше доброе житие во Христе. Ибо, если угодно воле Божией, лучше пострадать за добрые дела, нежели за злые»¹³⁴.

¹³³ L. Giussani. *Vivendo nella carne*. Milano: BUR, 1998. P. 273–274.

¹³⁴ *1 Петра* 3:13–17.

«Кротость и благоговение» рождаются от уверенности – не отвлеченной, а проверенной, вплоть до вынесения суждения об обстоятельствах, даже если они кажутся банальными, в радикальном присоединении ко Христу, Который есть смысл и горизонт всего сущего.

Свидетельство и миссия последним своим возможным рубежом могут иметь и *мученичество*. В Перу, в самом сердце Анд, мне довелось неоднократно посещать францисканский монастырь Санта-Роса-де-Окопа. В этом месте, затерянном среди высоких гор (3 400 м над уровнем моря), откуда стекают реки, ниже формирующие Амазонку, есть библиотека, хранящая более двадцати тысяч томов. Здесь на протяжении трех столетий обучались братья, которые потом отправлялись в миссию – вниз, в леса Амазонии. Здесь же есть зал, где монахи чтут память без малого девяноста мучеников, покинувших Окопу, поплывших на лодках в леса и не вернувшихся. Несмотря на это, именно благодаря им перуанская Амазония стала христианской. Они шли по двое и находили поселения туземцев: где-то их принимали, а где-то убивали выстрелом из духовых трубок. Тогда на их место выдвигались другие. Испанцы никогда не шли в леса, а францисканцы пускались в приключение, безоружные, уверенные лишь во Христе, к Которому призван каждый человек, в Котором нуждаются все, в том числе мужчины и женщины, населявшие и населяющие Амазонию. Я растрогался, увидев этот зал и узнав, что братья, отправляясь на север по Мантаро, Укаяли, Уальяге и Мараньону – важным рекам из бассейна Амазонки, в какой-то момент встречались с иезуитами, спускавшимися с колумбийских Кордильер. Каким был непосредственный плод их жертвы? Кажется, его не было, но они зароняли семя, а возможно даже, они только подготавливали почву, как писал в XVI веке великий иезуит Маттео Риччи о своей миссии в Китае. Прочитаю вам фрагмент одного его замечательного письма: «Что до тех, кто спрашивает меня, когда же в Китае произойдут великие обращения, скажу им так. И я, и все, кто здесь со мною, денно и нощно не помышляем ни о чем другом, и потому мы оставили нашу землю и ближайших друзей, и уже облачились в китайское платье, и говорим, едим, пьем и живем в домах так только, как заведено у китайцев. Богу, однако, по сей день не угодно, чтобы явлены были плоды наших усердных трудов... ибо время пребывания нашего в Китае – еще не время жать и даже не время сеять; наше время – время расчищать дремучие леса и бороться с кишасщими в них свирепыми зверями и ядовитыми змеями. Другие придут по благодати Господней и напишут об обращениях и о рев-

ностных христианах»¹³⁵. С какой уверенностью отвечал он на возложенную на него задачу, жертвовал всем, всем, кроме тихой радости, с которой он отдавал жизнь ради того, чтобы люди узнали Христа!

Можете себе вообразить? В той же книге есть другое письмо, рассказывающее, как разбойники ворвались в их дом, ранив Риччи и его собратьев и унеся все их имущество. Власти схватили воров и хотели приговорить их к смерти. Тогда Маттео Риччи и другие иезуиты отправились в суд, чтобы защитить преступников, и сказали: «Нам все равно [что они сделали], не убивайте их!» И в конце концов казнь отменили. Тогда все разбойники пошли и встали перед ними на колени и сказали: «Мы никогда не видали, чтобы кто, претерпев такую великую несправедливость, как вы, сотворил доброе обидчику. Что такое христианство?»

Возможно, мы не призваны в далекий путь, как они (хотя кто знает, когда-то и я не предполагал, что поеду в миссию). Но мы совершенно точно призваны стать миссионерским присутствием – через наше единство, в котором обитает иная человечность, иной мир в мире сем.

Апостол Павел пишет римлянам: «Умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего, и не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная. <...> Ибо, как в одном теле у нас много членов, но не у всех членов одно и то же дело, так мы, многие, составляем одно тело во Христе, а порознь один для другого члены»¹³⁶.

Жить миссией, быть присутствием можно всегда в органичном единстве Церкви и нашей компании. Я хотел бы рассказать вам о моем большом друге, отце Паоло Барджиджиа, с которым я поделил всю жизнь, начиная с шестнадцати лет, когда мы были старшеклассниками из Движения и я даже не задумывался о семинарии. Ровесники, мы с ним и с нынешним архиепископом Салерно Андреа Белланди были неразлучны, как три мушкетера. И как у трех мушкетеров, у нас тоже был четвертый друг, отец Паоло Миллоски, который открыл свое священническое призвание на несколько лет позже и «догнал» нас.

Отец Паоло Барджиджиа присоединился ко мне в миссии в Перу в 2008 году (я там жил с 2001-го). Он приехал через три дня после смер-

¹³⁵ A. Sergianni. *Cristo fra i cinesi, la figura di padre Matteo Ricci*. San Miniato (Pisa): La Conchiglia di Santiago, 2023. P. 57.

¹³⁶ Рим. 12:1–2, 4–5.

ти Андреа Ациани. В 2014-м, после нескольких прекрасных и по-настоящему насыщенных лет, он узнал, что болен боковым амиотрофическим склерозом. На протяжении трех лет болезни я наблюдал, как каждый день он утрачивает самостоятельность, не теряя, однако радости. В марте 2016 года наступил момент, когда ему пришлось вернуться в Италию. В августе уехал и я, чтобы разделить с ним в одном из приходов Флоренции последний год его жизни. Он уже не мог двигаться и пользовался инвалидным креслом, но его взгляд всегда оставался радостным, увлеченным всем и всеми. Он с уверенностью говорил, что его болезнь – призвание в призвании, что именно таким образом Иисус просит его быть в *большей мере священником и миссионером*. И правда, наш дом превратился в своего рода морской порт, где каждый день случались чудесные встречи. Женщина, которая готовила нам, иногда шла открыть дверь, и к нам заходили разные люди, в том числе известные по телевидению, и она говорила: «Мне кажется, я попала на ток-шоу!» В наших двух комнатах мы дышали целым миром. «Лучшее еще впереди», – часто повторял отец Паоло. Сотни людей, буквально сотни, приходили по очереди, чтобы пообщаться с ним. И на самом деле каждый приходил не чтобы помочь ему, но чтобы он помог и поддержал своей надеждой. Через пару месяцев после его возвращения в Италию (я еще был в Перу) вместе с Андреа Белланди он посетил папу Франциска. Когда после насыщенной встречи, уже в конце, Паоло, прощаясь, попросил о нем молиться, чтобы он мог каждый день соглашаться с волей Божией, понтифик ответил: «Нет, я не буду молиться, чтобы ты мог каждый день соглашаться с волей Божией. Я буду молиться, чтобы ты был счастлив, соглашаясь каждый день с волей Божией!» Паоло хранил эти слова в сердце и жил ими до последнего своего дня. Миссионер в своей маленькой комнатке. И все мы, думаю, видели такой же радостный взгляд во многих из нас – в людях, которые в болезни и на смертном одре свидетельствуют всем о надежде. Так, нашей явной надеждой, нашим единством, которое есть прекраснейшая и величайшая форма надежды, мы отвечаем на призыв Иисуса, участвуем в Его миссии в мире.

Как говорит отец Джуссани в одной из своих книг, *«новизна заключается в присутствии события* новой привязанности и новой человечности, в присутствии *начала нового мира*, которым мы являемся»¹³⁷.

¹³⁷ L. Giussani. *Dall'utopia alla presenza (1975–1978)*. Milano: BUR, 2006. P. 65.

В завершение прочитаю еще два отрывка из того же знаменитого выступления отца Джуссани на встрече со студентами в 1976 году.

«Новизна – в присутствии как сознанию, что мы несем „в себе“ нечто окончательное: окончательное суждение о мире, истину о мире и о человеке, и оно воплощено в нашем единстве. Новизна – в присутствии как сознанию, что наше единство – орудие возрождения и освобождения мира». И еще: «Христиан заключали в темницу, подвергали мученической смерти, держали в потемках на протяжении трех [первых] веков! Историю и ее сроки определяем не мы. От нас требуется жить присутствием, всецело полагаясь на Бесконечное, вошедшее в нашу жизнь и непосредственно представшее перед нами в новой человечности, в дружбе, в общении. „Не бойся, малое стадо, Я победил мир. Сия есть победа, победившая мир, вера наша“»¹³⁸. Из нее вырастает цвет нашей надежды и надежды мира.

Спасибо.

¹³⁸ *Ibidem*. P. 65, 68.

СВЯТАЯ МЕССА

Литургия Слова. Суббота II недели Пасхи: Деян. 6:1–7; Пс. 32; Ин. 6:16–21

ПРОПОВЕДЬ ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА
КАРДИНАЛА КЕВИНА ДЖОЗЕФА ФАРРЕЛЛА,
ПРЕФЕКТА ДИКАСТЕРИИ ПО ДЕЛАМ МИРЯН, СЕМЬИ И ЖИЗНИ

Дорогие братья и сестры!

В пасхальном ликовании и в свете ваших духовных упражнений мы в радости переживаем встречу с Господом Иисусом, присутствующим в Евхаристии. Евангелие, которое мы сейчас услышали, говорит как раз об этой встрече.

После чуда умножения хлебов, совершенного в окрестностях Тивериады, Иисус, узнав, что толпа хочет сделать Его царем, удалился на гору один (см. *Ин.* 6:15). Настал вечер, апостолы, устав ждать, решают направиться в сторону Капернаума, откуда были родом некоторые из них и где жил и Иисус. Они не получили от Него никаких указаний, как рассказывается, напротив, в Евангелии от Марка (*Мк.* 6:45). Здесь они сами выступают с такой инициативой.

Они были с Учителем и помогли Ему насытить тысячи голодных людей, теперь же случилось разделение: Иисус *поднялся* на гору, а ученики *сошли* к морю (см. *Ин.* 6:16). И вот, на пути к дому они оказались одни в темноте, посреди Галилейского моря, волновавшегося из-за поднявшегося сильного ветра.

Мы можем увидеть на месте учеников самих себя. «Тивериадский успех» головокружителен, но не длится долго! Вскоре приходится возвращаться в «обыденность Капернаума», туда, где живет каждый из нас, где нас ждут родные, где жизнь надежна и безопасна. Но для этого нужно вновь пересечь море. В библейской традиции море часто символизирует злые силы, которые лишь Бог может успокоить ради спасения Своего народа.

Нам тоже, и отдельным людям и Движению, в наших «возвращениях к обыденности» после духовного утешения, после миссионерских успехов, после высшей радости, – нам тоже каждый раз приходится переживать не только одиночество и отделенность от Учителя, но и пробуждение сил зла, которые словно перечеркивают все пережитые ранее моменты благодати. Именно в такие моменты и случается встреча.

В этом евангельском отрывке появление Иисуса – теофания, явление Божьего присутствия. Иисус предстает идущим по водам. В Ветхом Завете такое действие недоступно человеку, оно приписывается только Богу, как, например, говорится в Книге Иова: «Он один распростирает небеса и ходит по высотам моря» (Иов 9:8).

Когда Иисус является в полноте Своей божественности, ученики «хотят принять Его в лодку, и тотчас лодка пристает к берегу, куда плыли». Если море олицетворяло угрозу, земля означает безопасность. В тот самый момент, когда ученики готовы принять Иисуса, лодка касается берега. Иначе говоря, когда мы признаем Иисуса в Его божественности и – прежде всего – принимаем Его спасительное присутствие в нашу жизнь, мы тут же «пристаем к берегу», переходим из власти смерти к господству жизни.

Так всегда происходит во встрече с Иисусом. Она несет спасение, вырывает жизнь из хватки темных сил отчаяния, зла, греха, бессмысленности. Встреча с Ним приводит нас к надежному берегу, к уверенности в том, что жизнь построена на прочном фундаменте, поскольку ее истоки – в порождающем действии Бога; Его отеческая и промыслительная помощь сопровождает ее и направляет к благой судьбе. «Возвращение в Капернаум», в повседневность, которая для нас, как и для апостолов, рискует обернуться кризисом, во встрече с Иисусом преображается: это уже не возвращение к банальности безбожного существования, рассеянного в мелочах, а начало нового этапа миссии, распахивающего перед новой благодатью и новыми откровениями, как рассказывает далее Евангелие.

Дорогие братья и сестры, сегодняшнее Евангелие укрепляет нашу надежду. Встреча с Иисусом, просветившая и наполнившая смыслом нашу жизнь, не остается событием лишь прошлого. Нет! Она всегда происходит вновь. В том числе и сейчас! И в эти дни упражнений! Возможно, кто-то приехал сюда с сердцем, охваченным мраком и одиночеством, но вернется домой со светом и радостью от вновь обретенного во Христе общения. Церковь, община верующих, есть среда «человеческая и божественная», угодная Господу, где это событие благодати может происходить всегда. И в Церкви именно харизмы, порожденные Духом Святым, являются особым местом, где человеку проще встретиться со Христом.

Харизма «Общения и освобождения» тоже была дарована Церкви Богом, чтобы люди в ночи своего существования встречали утешитель-

ное присутствие Христа. Ваша харизма, как другие харизмы ранее, должна вырвать из прошлого и из забвения воскресение Христа, нашего Спасителя, сделать его близким, доступным любому человеку.

К такой высочайшей задаче все вы призваны, и ради этого вы получили христианское воспитание. К этому побуждает вас ваша харизма. И потому жизненно важно сохранять единство духовного общения, которое Дух Святой сотворил между вами. Евангелие описывает учеников, которые вместе, как единое тело, принимают Иисуса в лодку. В последнем своем письме президенту вашего Братства Святейший Отец увещевал вас заботиться о единстве. Это дар, о котором нужно просить в молитве, который нужно осуществлять в жизни, практикуя смирение, отодвигая на второй план желание самоутвердиться и настоять на своем, отказываясь отождествлять харизму с собственными убеждениями или, что еще хуже, с собственной личностью. Харизма всегда превосходит одну идею, она всегда больше одного человека, одного поколения, одного исторического периода, пусть даже речь о самом ее начале. Харизма больше и своего основателя, принявшего ее во благо всей Церкви.

Итак, будем умолять Господа, чтобы в эти дни всех вас утешила новая встреча со Христом воскресшим, дабы вы возвещали мир и несли его в многочисленные ситуации конфликтов и напряженности, от которых страдает земля. Помолимся и о том, чтобы Братство «Общения и освобождения» неизменно оставалось благословенным местом открытия красоты веры для тысяч людей. Да сохраняется оно в единстве, чтобы вы могли продолжать вверенную вам Господом миссию. Во всем этом попросим заступничества Марии, Матери надежды, Защитницы единства Церкви.

Аминь.

ПЕРЕД БЛАГОСЛОВЕНИЕМ

Давиде Проспери. Ваше Высокопреосвященство, позвольте мне выразить вам нашу сердечную благодарность. Ваше присутствие и ваши слова на упражнениях Братства уже в прошлом году стали для нас огромным утешением и ясным знаком верности нашего пути в лоне Церкви, они поддерживали нас в осознании ответственности, к которой мы призваны в деле созидания общего дома. Тот факт, что и в этот раз вы согласились приехать, несмотря на ваши многочисленные обязательства и занятость в этот особый момент в жизни Церкви, подкрепляет нашу надежду и подтверждает

путь, по которому мы идем, о чем вы напомнили в проповеди, процитировав письмо Святейшего Отца. С нашей стороны, как мы говорили и в прошлом году, мы в вашем распоряжении, мы еще больше открыты всем тем нуждам, какие Церковь считает неотложными в настоящее время. Мы существуем лишь ради этого. Спасибо, Ваше Высокопреосвященство.

Кардинал Фаррелл. Я хотел бы в первую очередь поблагодарить всех вас за терпеливое слушание. Участие в духовных упражнениях предполагает некоторые малые жертвы. И сегодня я могу заверить всю Церковь, что все вы принесли великую жертву, слушая, как я говорю по-итальянски!

Передаю вам приветствие Святейшего Отца. В связи с многочисленными вопросами, касающимися моей работы в Ватикане, я регулярно встречаюсь с ним и должен признать, что всякий раз, когда мы видимся, он спрашивает меня: «Как там Братство „Общшения и освобождения“?» После дня, проведенного с вами, я могу вернуться в Рим и сообщить ему, что в этом году более двадцати тысяч человек участвовали в духовных упражнениях в Римини. Это огромная цифра! И она превышает число людей на многих общих аудиенциях папы, которые проходят по средам на площади Святого Петра... Даже не знаю, как он отреагирует, когда я ему это скажу!

Хочу от всего сердца поблагодарить вас за все, что вы делаете. Среди движений, с которыми я знаком, вы одно из тех, что сегодня способно заставить общество услышать голос двадцати тысяч человек. Вы действительно многочисленный народ! И потому так важно, чтобы все вы следовали, продолжали следовать за харизмой отца Джуссани и жили согласно его харизме в конкретной ситуации сегодняшнего мира.

Благодарю вас за все, что вы делаете каждый день.

Воскресенье, 14 апреля, утро

Людвиг ван Бетховен

Тройной концерт до мажор для фортепиано, скрипки, виолончели и оркестра, оп. 56
Beaux Arts Trio, Лейпцигский оркестр Гевандхауза – Курт Мазур
«Spirto Gentil», n. 31, (Philips) Universal

Ангел Господень

Утренняя

■ СОБРАНИЕ

Давиде Проспери. Итак, мы подошли к заключительному моменту наших упражнений, которые, несомненно, стали важным этапом нашего пути в этом году. Как мы сказали в начале, участие в них предполагало определенные жертвы (во многих случаях переезды были действительно утомительными), но, несмотря ни на что, мы смогли пережить опыт меры, превышающей нашу. Это заметили все, вчера мы услышали об этом и в словах кардинала Фаррелла. Во время ужина он еще раз выразил удивление и изумление перед тем фактом, что в Римини собралось двадцать с лишним тысяч человек, к которым нужно добавить тех, кто смотрит трансляцию из дома или из других городов и стран. Его поразило, что двадцать с лишним тысяч человек участвовали в духовных упражнениях в одном месте таким образом: соблюдая молчание, проявляя внимание, вовлеченность. Все это говорит о том, что упражнения зависят не только от слов, которые здесь произносятся (при всей их очевидной значимости), но и от вклада каждого из нас.

Именно это наполняет наше сердце радостью и уверенностью сейчас, когда мы возвращаемся домой.

Отец Джованни, приступим к нашему собранию.

Монсеньор Джованни Паккози. Мы получили множество вопросов. Некоторые из нас прочитали их все и выбрали наиболее часто встречающиеся и показательные.

«К разговору о желании: не могли бы вы подробнее остановиться на разнице между „мечтой“ и „знаком“? Действительно ли маленькие каждодневные желания помогают распознавать единственное глубокое желание, определяющее нас? Мне кажется, они ему противоречат».

Паккози. Мне вспоминается прекрасная страница из диалога отца Джуссани со старшеклассниками (на этой встрече с большой группой школьников из Флоренции в 1990-е годы присутствовал и я), который был опубликован под заголовком «По ту сторону стены мечтаний» в книге «Realtà e giovinezza. La sfida»¹³⁹. Джуссани сопоставляет мечту и истинное желание, ведущее к ожиданию. Он определяет желание как ожидание великого свершения словом «идеал». Не буду сейчас цитировать его слова, но рекомендую вам прочитать их. Как мне кажется, они очень помогают.

Готовя первую лекцию, в том месте, где я приводил отрывок из Данте, я сравнивал его понимание желания с тем, как видел его Петрарка. Вчера я не стал на этом останавливаться из экономии времени, но сегодня хочу кое-что сказать. Думаю, это поможет понять, как христианская надежда превратилась в надежду исключительно на человеческие способности.

В энциклике «*Spe salvi*» Бенедикт XVI говорит о надежде на прогресс, которую все мы в себе замечаем. Она заставляет нас ждать новую модель телефона, гаджет последнего поколения, словно они предел всех желаний. У меня, например, неизменно вызывает улыбку реклама автомобилей, полностью сосредоточенная на том, что в них есть подключение к интернету. Отличная деталь, но у автомобиля прежде всего должен быть хороший мотор, надежное сцепление с дорогой, низкое потребление топлива! Но сегодня прогресс измеряется наличием подключения к интернету! Бенедикт XVI, размышляя о прогрессе, утверждает: если он направлен на благо, то становится помощью для всех. Далее он говорит нечто замечательное: «Прогресс, при котором к достижениям прошлого добавляются достижения настоящего, возможен лишь в материальной сфере [то есть в сфере технической и научной, и поэтому человек начинается отсюда, где остановился его предшественник]». Об этом говорили уже в Средневековье: «Мы карлики, усевшиеся на плечи исполинов, и посему

¹³⁹ L. Giussani. *Realtà e giovinezza...* P. 57–70.

видим дальше, чем они»¹⁴⁰. Однако же прогресс личности не происходит тем же образом: «В области... этического знания и принятия нравственных решений подобной возможности суммирования нет – по той простой причине, что человеческая свобода является всегда новой и человек должен принимать свои решения каждый раз заново [каждый человек должен всегда начинать с самого начала]»¹⁴¹.

Иллюзорные надежды на то, что производят наши руки, то есть, по сути, на мечты, зарождаются уже в конце Средних веков. В книге «Зачем Церковь» отец Джуссани сравнивает Данте и Петрарку, чтобы объяснить, как менялось понимание отношений с Богом именно в том, что касается желаний. Когда я жил в Перу и преподавал в университете, я попробовал сопоставить некоторые тексты двух авторов. Вчера я приводил цитату из «Чистилища» о неопытной душе. В «Пире» Данте говорит: «Предел стремлений [желаний] каждой вещи, стремлений, изначально вложенных в нее самой природой, есть возвращение к своему началу». Иными словами, мы созданы в желании вернуться к Богу, ибо Он создал нас, создал нас для Себя. «И подобно путнику [послушайте, какой замечательный пример], который идет по дороге, по которой он никогда не ходил, и принимает каждый дом, увиденный им издали, за постоянный двор, но, убедившись, что это не так, переносит свои надежды на другой дом, и так от одного дома к другому, пока не дойдет до постоянного двора, – так и душа наша, едва ступив на новый и еще неведомый ей путь этой жизни, направляет свой взор на высшее свое благо как на предел своих мечтаний и потому думает, что оно пред ней всякий раз, как она увидит вещь, которая кажется душе носительницей какого-то блага. А так как знания души поначалу несовершенны, поскольку она еще неопытна и ничему не обучена, малые блага кажутся ей большими, а потому о них она прежде всего и начинает мечтать. Так, мы видим, что малыши мечтают о яблоке, затем, когда подрастают, мечтают о птичке; еще позже – о красивой одежде, а со временем – о коне [сегодня мы скажем: о машине или о мотоцикле], потом о женщине; а потом мечтают о небольшом богатстве, затем о большом и еще большем. Происходит же это потому, что душа, не находя ни в одной из этих вещей того, что ищет, надеется обрести искомое в дальнейшем. И мы видим, что в глазах нашей души одним желаемым

¹⁴⁰ См. Бернар Шартрский (XII в.) в: Иоанн Солберийский. *Металогикон*. III, 4.

¹⁴¹ Бенедикт XVI. *Spe salvi*. П. 24.

загораживается от нас другое»¹⁴². Тут Данте рисует образ пирамиды: промежуточные блага устремлены к ее основанию, то есть к Богу. Первое, самое маленькое благо – вершина пирамиды, но оно находится прямо перед нами и не дает увидеть остальное. Потом мы переходим к более обширному благу, к еще более обширному, к еще более обширному, к еще более обширному – пока не осознаем, что конечный объект желания – Бог, основа всего. Так, по мере продвижения от вершины к основанию блага становятся все более обширными и возжеланными. Именно поэтому чем дальше мы живем, тем более великими становятся желания, одно за другим. Как прекрасно!

Вслед за Данте отец Джуссани говорит, что желания не нужно прятать, не нужно урезать. Необходимо осознать, что они знаки, отсылающие к единственному великому благу, ради которого мы созданы, – к Богу. В этом заключается величие. Мне это пришло в голову, пока я слушал песню Анаса (я никогда раньше этого не замечал): апостолы рыбачили в лодке и ничего не поймали, но на берегу стоял Иисус. Именно Он наполняет их сердце. Их надежда – там, на берегу, она в Нем. И мы тоже находимся среди моря, но наша надежда – в Присутствии, стоящем перед нами. Оно не избавляет нас от пути, который мы должны проделать, но путь – праздник, ведь он разворачивается внутри нашего опыта. Праздник был уже в том, как мы пели, праздник признания Присутствия между нами.

Данте все еще понимает желание по-христиански, как знак. Петрарка же знаменует собой начала процесса «разобщения», изменившего ход западной истории. Он видит желание как нечто уводящее от Бога. Петрарка в любви к Лауре переживает опыт «рассоединения»: она полностью лишает его свободы, он воспринимает ее как радикальную альтернативу поиску истины, Бога. Благодаря Лауре он замечает разрыв между истиной, которую он признает теоретически, и страстью, уводящей его далеко от нее.

У Петрарки есть сонет, перескажу его моими словами: если то, что я чувствую, не любовь, то что тогда она такое? Если же это любовь и если любовь – благо, почему плоды ее дурны, смертоносны? И если любовь порок и преступление, почему столь сладостна любовная пытка? Если желание мое воспламеняет меня, почему потом я рыдаю и сетую? И если оно мне во вред, почему я оплакиваю его потерю? «О живая смерть, о упоительное зло, откуда ты во мне без моего согласия?» Упоительное

¹⁴² Данте Алигьери. *Пир.* IV, XII.

зло! Как может зло быть упоительным? Вот где кроется обман: в мысли, что мои планы превосходят объективность добра и зла. Дальше Петрарка говорит: если я следую за злом, почему потом жалуюсь? Если я вдруг словно оказываюсь в непрочной лодке среди открытого моря, без кормчего, под бушующими ветрами; если любое знание отягчено ошибкой, я уже больше не знаю, чего хочу. Я дрожу в жару (подумайте, какой невероятный образ!), дрожу в жару, горю в мороз¹⁴³.

Перед нами – противостояние того, что, как он думает, исполняет желание его сердца, и того что его исполняет на самом деле. Однажды Петрарка дошел до того, что высказал устрашающую вещь: я жаден до истины, но, поскольку найти ее сложно и я не способен искать ее должным образом, часто, полагаясь на самого себя, я, чтобы избежать ошибки, цепляюсь за сомнение, ставя его на место истины; я понимаю, что так мало-помалу я сделался интеллектуалом и вслед за многими другими вошел в скромные ряды тех, кто ничего не знает, ибо ни в чем не уверен и сомневается во всем. Я сомневаюсь во всем, – говорит он, – кроме того, в чем, я знаю, сомневаться было бы кощунством¹⁴⁴.

Петрарка желал бы не желать, чтобы не чувствовать себя пленником ошибки. В нем впервые в западной истории прослеживается размежевание «духовного» блага, блага высшего порядка, но далекого, и благ «земных», ложных, но более притягательных.

Мы, как мне кажется, часто переживаем наше отношение к вере именно так: мы не сомневаемся в Боге, потому что, с моралистической точки зрения, в Боге сомневаться нельзя, но в действительности сомневаемся даже в Нем, сводя Его к отвлеченным представлениям, оторванным от нашей жизни.

Итальянский поэт Марио Луци на одной конференции во Флоренции говорил: «Вот одна из черт, делающих Данте исключительным: образцовый персонаж, который в „Комедии“ именуется Данте, основан на

¹⁴³ «Что я чувствую, если не любовь? / А если же любовь, Боже, то что она такое? / Если она блага, почему плод ее горек, смертоносен? / Если же дурна, почему страдание так сладко? // Если я горю от моего желания, зачем плач и сетования? / Если скверность моя приятна мне, что толку в скорби? / О живая смерть, о упоительное зло, откуда ты во мне без моего согласия? // Если же я согласился, как я заблуждаюсь, сожалея. / Среди бушующих ветров в непрочной лодке / я брошен в открытое море без кормчего, // не отягченный знанием, обремененный ошибками, / я сам не знаю, чего хочу, / дрожу в жару, горю в мороз» (Ф. Петрарка. *Сонет СXXXII*. Подстрочный пер. наш).

¹⁴⁴ Ф. Петрарка. *Старческие письма*. V, 6. Пер. наш.

человеке, который именуется Данте в жизни, в существовании, в истории. Можно сказать, что вымысел и исповедь совпадают действительно необычайным образом». Речь о «чудесном совпадении героя и автора»¹⁴⁵.

Петрарка же, напротив, начинает воплощать в литературе мир мечтаний, не существующий в реальности, и он строит его примерно на таком рассуждении: поскольку в реальной жизни я ни в чем не уверен, сотворю по крайней мере идеальный мир, где все идет так, как мне хотелось бы. Луци комментировал: «Европейская [можно даже сказать, мировая] литература, нужно признать, происходит от Петрарки больше, чем от какого-либо другого автора»¹⁴⁶. У Данте не было последователей вплоть до Элиота, до Унгаретти, до того же Луци. Для них, как и для Данте, литература – не способ бегства от реальности в мир мечтаний, а путь обретения смысла реальности, который ведет вглубь, до конечной цели желания.

У Унгаретти есть стихотворение, которое один друг заставил меня выучить наизусть. В нем говорится: «Поэзия [для меня] – мир, человечество, наша жизнь, расцветающие в слове, чистое чудо бредового брожения. Когда я откапываю в моем молчании какое-то слово, оно в моей жизни подобно бездне»¹⁴⁷. Для меня это значит: я хочу понять смысл реальности, и каждое произнесенное мной слово не брошено на ветер, оно выражает желание дойти до глубины, до истины, до блага, к которым призывает меня каждое желание.

Нам выпала благодать пребывать в такой позиции, поскольку наш якорь брошен у берега Вечности, ибо Вечность пришла к нам. И потому нет больше нужды предаваться мечтам, достаточно жить в реальности, ожидая свершения, которое может дать Другой.

Проспери. Хочу подчеркнуть то, что сейчас сказал отец Джованни. Мы в культурном смысле являемся детьми истории, длившейся не одно столетие и коренным образом изменившей человеческий менталитет и отношение с реальностью. И поэтому так очевидна наша потребность в воспитании. В тексте школы общины отец Джуссани спрашивает о том, что такое знак. «Знак – это реальность, смысл которой в другой реальности, это познаваемая на опыте реальность, которая обретает смысл, когда

¹⁴⁵ M. Luzi. *Cantami qualcosa pari alla vita*. Forlì: Nuova Compagnia Editrice, 1996. P. 52–53.

¹⁴⁶ *Ibidem*. P. 54–55.

¹⁴⁷ G. Ungaretti. *Commiato*. Locvizza, 2 ottobre 1916.

ведет к другой реальности»¹⁴⁸. Вот почему для того, чтобы всецело обладать реальностью, в том числе и невидимой, важно отношение со знаком, привязанность к знаку именно как к знаку. Примечательно, что именно в отношении со всей реальностью как со знаком человечность проявляется в полной мере. Человечность по-настоящему раскрывается не в простой привязанности к вещам под влиянием эмоций, которые они у нас вызывают; в полноте человечность раскрывается в истолковании знака, в движении по направлению к тому, на что указывает знак. Так знак становится важным спутником, играющим решающую роль для жизни: он не исчерпывается самим собой, а становится дорогой, данной мне для познания того, что иначе и дальше было бы непостижимой тайной.

Знак превращается в мечту, когда опустошаются отношения с тем, благодаря чему он существует и обретает ценность. Почему мы можем утверждать, что он превращается в мечту? Потому что он не находит своего воплощения, потому что неизбежно разочаровывает, потому что реальность гораздо больше того, что мы видим.

«Как надеяться в ситуациях, где зло и боль как будто берут верх в силу непреодолимых обстоятельств? Как твердо стоять в надежде, когда зло оставляет неизгладимый след? И еще. „Надежда не постыжает“: насколько это так перед лицом страданий, смерти, трагических обстоятельств, перед лицом войны, под градом ракет, делающих ситуацию в мире еще более драматичной?»

Все в жизни отсылает к другому, но в то же время ничто полностью не удовлетворяет желание исполнения. Чем больше я переживаю такой опыт, тем печаль и тоска по конечному порту сильнее в сравнении с тихой радостью. Получается какая-то скорбная надежда. Что значит быть по-настоящему радостными?»

Проспери. Действительно, иногда кажется, что зло и боль берут верх, особенно если человек погружен в них и не видит выхода: исчезают все надежды, с которыми мы связывали наши ожидания, и все, на что мы обычно полагались, как будто рушится. Почему существуют зло и боль? Это два смежных, но различных измерения. Есть зло, которое мы претерпеваем,

¹⁴⁸ Ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 129.

несправедливость, связанная с опытом боли, отсутствия смысла. Но есть и зло, которое творим мы, зло, которое мы обнаруживаем в себе. И как мы говорили в первый вечер, своего рода трагичным признаком нашего времени является неспособность предстоять перед собственным злом, принимать его. Тяжелейшее зло нашей эпохи – не столько в боли от физических недугов; да, они могут быть серьезными и вести к невероятным мукам, но сколько перед нашими глазами свидетельств, порой героических, людей, переживающих физические страдания! Настоящее зло сегодня заключается в том, чтобы не жить должным образом. При физических страданиях даже в самых болезненных испытаниях человек сразу же сознает нужду быть спасенным, потребность в том, чтобы другой пришел спасти его, чтобы кто-то принял его жертву. Но когда теряешь надежду, когда в нас начинает побеждать ощущение, что ничто никогда не изменится, что обещанное счастье, увы, утрачено навсегда и нет пути назад, когда в итоге мы замыкаемся в себе, считая себя «неправильными» и думая, будто никто не придет спасти нас, – как возможна радость? Радость, как всегда говорил отец Джуссани, – чувство, которое рождается, если мы продолжаем держаться того, что остается, когда проходит все прочее. Когда все проходит. Мы видим, как проходят вещи, как проходим мы сами, потому что стареем и возникают болячки, трудности, непредвиденные обстоятельства (не всегда положительные). Мы погружаемся в беды, и жизнь, некогда полная обещаний, вдруг словно устремляется к провалу, к поражению и краху.

В таких случаях первое искушение – отвести взгляд от того, что есть. А то, что есть, при всей своей хрупкости указывает на близость Того, Кто любит тебя и говорит: «Я с тобой, Я все еще и навсегда с тобой. Ты по-прежнему можешь начать заново, у тебя есть судьба, и судьба твоя блага». Мы же сосредотачиваем внимание на скептическом вопросе: «Разве может это кончиться хорошо?» Все представляется нам трагедией, потому что наши руки пусты; все надежды, выстроенные в попытке любой ценой идти вперед, рухнули. Но именно в момент, когда рушатся все надежды, может зародиться подлинная надежда: при условии, что в нас жив источник надежды – вера. Когда есть вера как источник надежды, тогда и надежда рождается, воскресает. И это не пустые слова («все будет хорошо!») – слоган, который, как мы все помним, люди вывешивали на окнах во время локдауна). Почему все должно быть хорошо? Что такое надежда: оптимизм, ободрение самих себя? Нет, надежда – нечто другое. В некотором смысле она противоположна оптимизму. Оптимист

полагается на будущее, все еще так или иначе зависящее от него: «Будет трудно, но мы справимся». Или впадает в отрешенный фатализм по отношению к выпавшему на его долю испытанию. Во всем этом нет ожидания «Ты», способного спасти жизнь, даровать, казалось бы, утраченное благо. В надежде же ты целиком и полностью полагаешься на то, что дано тебе сейчас, ведь ты убежден: Тот, Кто дает тебе все, таинственным образом исполнит обещание согласно мере, которая не принадлежит тебе. И Он даст гораздо больше, чем у тебя было; в этом и заключается обещание, исполняющееся согласно другой мере, – в стократном воздаянии в сравнении с тем, что, как ты думал, у тебя отнялось!

Я помню, как умер мой папа. Я был маленьким, мне было шесть лет, у меня был брат. Моя мать родом была не из Милана, она родилась и выросла в Ольтрепо-Павезе; мой отец был тосканцем, поэтому в Милане мы почти никого не знали. Однако сейчас, оглядываясь назад, я могу сказать, что никогда не воспринимал жизнь в отрицательном свете. На протяжении всей жизни я ношу в себе множество ран, но мое существование никогда не казалось мне отрицательным, потому что передо мной всегда была моя мать, а для нее реальность положительна, положительна в силу веры. После смерти моего отца ей пришлось устроиться на работу. Она нашла место в школе, в первой миланской школе Движения под названием «Дзолла». Так мы встретили Движение. И сегодня меня, конечно же, здесь не было бы без этой череды событий. Могу ли я сказать, что смерть отца была благом? Нет, раны остались на всю жизнь. Как мы пели в начале, даже Бог страдал. Но я могу сказать, что это привело к радости, к стократному воздаянию, к тому, чего я и вообразить не мог.

От нас требуется согласие на такой риск. И мы рискуем не во тьме, мы ставим на то, что нам дано. Держись того, что тебе дано.

Паккози. Я хотел бы кое-что добавить, поскольку, на мой взгляд, во втором вопросе отчасти кроется обман. «Чем больше я переживаю такой опыт, тем печаль и тоска по конечному порту сильнее в сравнении с тихой радостью. Получается какая-то скорбная надежда». Я бы перевернул фразу и сказал, что это горе в определенном смысле исполнено надежды, радости. Можно ли не видеть, что все ограничено, что вещи хрупки? Но тот факт, что внутри всего, как мы сказали в начале нашего пути, заключено обещание, запечатленное в самой структуре нашего бытия, наполняет радостью, тихой радостью оттого, что обещание существует.

Подумайте об Аврааме, отце нашей веры. Вряд ли, поднимаясь на гору с Исааком, он был доволен. Но его наполняла надежда. «У нас есть дрова, нож, огонь для всесожжения, но где же жертва?» – спрашивает его сын. Авраам отвечает: «Бог даст», – ибо у него не осталось ничего своего. И какая же радость наполнила его, когда он понял, что Богу не угодна была такая жертва – к сожалению, в те времена и в той культуре весьма распространенная.

В нашей жизни есть скорбь, но она радостна, потому что есть и Присутствие, как говорил Давиде. Расскажу одну историю, которая запомнилась мне навсегда. В приходе, куда я попал молодым священником (в тридцать лет) была супружеская пара. Они в свои сорок казались женихом и невестой: всегда ходили за ручку или ездили вместе на велосипеде. Однажды, когда муж ехал на велосипеде, его сбила машина, и он умер. По-настоящему страшная трагедия. Через несколько месяцев жена пришла ко мне и сказала: «Отец Джованни, хочу сказать вам одну вещь, которой ни с кем больше не в силах поделиться. Но вы, возможно, меня поймете. На самом деле я благодарю Бога за то, что Он отнял у меня мужа. Вы знаете, о чем я, вы знаете, что для меня его любовь была всем. Но пока он был жив, я перекладывала на него всю ответственность за мою жизнь, обо всем заботился он. Я не брала на себя никакую ответственность и жила в мире мечтаний. С тех пор как он умер, я должна сама отвечать за себя, за семью, за все, и я понимаю, что благодаря этому становлюсь более зрелым человеком». Она добавила: «Я страдаю, что мужа больше нет, но одновременно сознаю, что и его смерть – часть более великого замысла и служит во благо. Он уже в вечности, а я в большей степени являюсь самой собой». Наконец она сказала: «Я только вам об этом говорю!» Все именно так. Конечно, нельзя обобщать, но, чтобы понять, что так жить можно, достаточно посмотреть на лица людей, переживающих с верой тяжелые ситуации. Переживая их с верой, они становятся знаком надежды для всех.

Итак, если мы сталкиваемся со скорбью, стоит спросить себя: к чему мы действительно привязаны?

«Что значит воспитывать в себе надежду, приучать себя к ней?»

Паккози. В эти три дня я как раз и пытался дать указания относительно того, как, согласно отцу Джуссани, можно воспитывать в себе

надежду. В первый вечер мы увидели, что отправная точка – в серьезном отношении к образуемому нас желанию, к «неудержимому стремлению реализовать себя», как говорит отец Джуссани в тексте, который в эти дни стал знаменитым, хотя существует уже давно в книге «Porta la speranza». Но мы легко и просто уходим в сторону от образуемого нас желания, отождествляя его, опять же по словам Джуссани, с «необузданными инстинктами», с «банальным желанием устроиться поудобнее» или со стоицизмом.

Вчерашняя утренняя лекция продемонстрировала, что в нашей жизни есть нечто более сильное – встреча с Ним, с благодатью, позволяющей надеяться – уже не по-человечески, не слабо, но опираясь на скалу, держась на якоре Его присутствия. И так, воспитывать надежду – значит смотреть на Христа. Нет другого способа возрастать в надежде.

Во второй лекции мы спросили себя, как надежда становится тканью жизни, превращается в доверие, с которым человек переживает все. Через нищету. Нищета, однако, должна пониматься не как отказ, а как открытие, что вещи – знак, что все является знаком, и потому все священо. Когда я объяснял, как в человеческой истории идея *священного* рождается от желания видеть в каждой материальной вещи, даже самой незначительной, отношение с Тайной, я сказал и сейчас повторяю: подумайте, что значит смотреть на все вещи, на всех людей, признавая их *священными*, видя в них способ отношения со Христом. Все меняется! И тогда ты действительно можешь жить доверием, которое есть отдача себя, подкрепленная пониманием, что все – дар, висящий, подвешенный на бесконечной благодати Бога, даваемый нам в это мгновение. Тогда ты уже не раб, но свободный человек.

Ответим на поставленный вопрос так: воспитывать надежду – значит жить в принадлежности ко Христу в рамках охватившей нас истории. Обещание заключается в том, что можно жить с доверием, которое облегчает любые обстоятельства и, как мы говорили вчера вечером, пробуждает в нас желание говорить об этом всем: праздник становится миссией.

«Вы сказали не пренебрегать никакими аспектами реальности (работой, любовью, друзьями), но в то же время оставаться нищими. Каково тогда правильное отношение с людьми и вещами? Какое место должны занимать работа, любовь, дружба и т. д.)?»

Проспери. Продолжу то, что сейчас сказал отец Джованни. Что касается нищеты, по крайней мере для меня, подлинный вызов состоит в том, чтобы бороться с непреодолимым искушением быть хозяином самому себе. Обладание вещами, привязанность к вещам как к самоцели, стремление копить блага – все это в конечном счете отражает желание быть самому себе хозяином, иметь контроль над собой. Проблема не только в материальных вещах, они лишь один из аспектов, и, как мне кажется, не из тех, что поработают нас больше всего. Гораздо сильнее нас сковывают наши планы, наше чувство правильного и ошибочного: именно так мы исключаем Бога из нашей жизни, из нашей реальной, конкретной жизни, в лучшем случае ограничивая Его эпизодическими моментами религиозного порыва.

Так мы понимаем связь доверия и жертвы (это еще один вопрос, очень часто всплывавший в ваших письмах), которую отец Джованни раскрывал, говоря о воспитании надежды. Чтобы жить нищетой в отношении самих себя (не быть хозяевами самим себе), необходимо доверять кому-то вне нас, доверять другому. Речь, естественно, о Другом с большой буквы, но не в наших мыслях, а в том, как Он являет Себя и становится нашим спутником, реальным присутствием, поскольку в одиночку мы не можем побороть искушение независимостью.

Это, безусловно, требует жертвы. Но, как нам прекрасно известно, в жертве важно не столько то, от чего необходимо отказаться, сколько приобретение, которое она подразумевает и о котором мы догадываемся. Она нужна, сказал отец Джованни вчера, чтобы мы всё признавали священным, в отношении со Христом. Такое приобретение мы видим воплощенным в наших друзьях, которые живут желанным для нас образом – ради идеала, для которых идеал очевидно является чем-то конкретным. Как мы понимаем, что он конкретен? В чем заключается приобретение? В чем выражается стократное воздаяние, обещанное нам Иисусом? В свободе, в свободе! Можно любить по-настоящему, не пренебрегая никаким аспектом реальности (как говорилось в вопросе, ни мужем, ни женой, ни детьми, ни работой, ни предпочтениями, ни тем, что нам ближе всего), – в свободе. Увы, часто мы замечаем, что даже любовь или самая важная дружба, стоит измениться условиям, превращается в клетку, уводит нас в сторону, замыкает нас в себе, больше не дает видеть всю широту, дарованную нам в рамках истории, в которую Другой поместил нас. Тогда как подлинная ценность предпочтения – в том, что оно открывает нас перед

всем, учит нас любить все; посредством частности мы учимся любить все так, как были бы иначе не способны. В противном случае предпочтение превращается в несправедливость по отношению к другим и, прежде всего, к самим себе, потому что постепенно порабощает нас.

«Я хочу лучше понять, что значит принадлежать единству с теми, в ком признаешь присутствие Христа; что значит, с точки зрения жизни, принадлежать „единству с ними“, а не им? В конце лекции вы говорили, что „наше единство – прекраснейшая и величайшая форма надежды“. Почему это так? Вы произнесли эту фразу после рассказа об отце Паоло Барджиджиа, отце Белланди и отце Паоло Миллоски. Как вы в вашем опыте поняли, что единство между вами – прекраснейшая и величайшая форма надежды?»

Паккози. Начну с конца, поскольку это касается непосредственно меня. Мне выпала особая благодать: мое призвание, которое было в высшей степени личным, я сразу же переживал вместе с моими ближайшими друзьями. Оно действительно было целиком и полностью личным. Я о нем ничего не сказал друзьям. Впервые пойдя к отцу Пьерфранческо, которому я уже намекал, что хотел бы проверить призвание, я встретился у него с Барджиджиа (он еще не был отцом Паоло) и спросил у него: «А ты что тут делаешь?» Он в ответ: «А ты что?» Когда Паоло, Андреа и я, девятнадцатилетние, после окончания школы и незадолго до поступления в семинарию познакомились с отцом Джуссани, он очень ясно сказал: «В семинарии не занимайтесь делами Движения. Следуйте тому, что вам там предложат». Он был спокоен и знал, что мы попадем в прекрасную и насыщенную среду. Ректором семинарии тогда был отец Гуальтьеро Бассетти, а епископом Флоренции – кардинал Джованни Бенелли, оба невероятные личности. Отец Джуссани сказал нам: «Следуйте тому, что вам предложат. Живите единством между вами и ориентируйтесь на некоторых людей». Тут он назвал несколько имен: Кристиана Маравилья (ответственная за старшеклассников во Флоренции), Леле Тискар (ответственный за студенчество), отец Сильвано Сеги (ответственный за Движение). Мы поступили, как он велел, и жили богатейшим опытом Движения, хотя и не участвовали ни в чем. По иронии судьбы штаб-квартира Движения во Флоренции находилась прямо в нашей семинарии. Помню, однажды я смотрел в окно, а на улице толпились сту-

денты – все мои друзья по старшим классам. Они вышли из штаб-квартиры, их ждал миллион дел. А мы были в семинарии. И я с волнением подумал, как замечательно было бы пойти с ними, – подумал не с горечью, а с мыслью, что, оставаясь в семинарии, мы строили то же самое. Так в нас укрепилось сознание, что цель нашего единства – призывать нас в рамках нашей истории быть послушными Христу через послушание друг другу.

Как-то раз (мы уже давно были рукоположены) мы поехали на каникулы священников из Флоренции. К нам присоединился и отец Чиччо Венторино, который в те годы опекал общины во Флоренции и во всей Тоскане. В конце каникул он сказал: «Вы, сами того не сознавая, живете особой добродетелью: добродетелью послушания. Вы всегда готовы быть послушными друг другу». Меня поразили его слова. Но потом я задумался и сказал сам себе: это действительно так, мы послушны друг другу. Почему? Мы послушны другому не потому, что он начальник. Мы послушны тому, о чем другой свидетельствует, а следовательно, мы послушны Иисусу. Но чтобы быть послушными Иисусу, мы нуждаемся в конкретной компании, которая в чем-то похожа на группу Братства: она ни в коей мере не пытается выступить альтернативой объективному авторитету в Движении и Церкви и служит взаимной помощи в следовании за тем, кого в настоящий момент Господь ставит во главе нашей истории. И поэтому, несмотря ни на какие временные трудности, я бы ни на что в мире не променял единство, заключенное в нашей истории.

Говоря об авторитетности и авторитете, отец Джуссани объясняет, что авторитетность – повседневная компания, в которой тот, кто находится рядом с нами, призывает нас к идеалу. Есть люди, призывающие нас особым образом, и мы следуем за ними. Но мы следуем из желания следовать за единством, за объективным авторитетом. Альтернатива между авторитетностью и авторитетом бессмысленна, ведь Христос присутствует в нашем единстве.

Дружба между нами, священниками, всегда помогала мне следовать за Христом и помогает и сегодня, хотя мы больше не разделяем повседневную жизнь, как часто бывало в прошлом. Но с точки зрения ценности ничего не изменилось: можно видеться раз в год, ездить на каникулы и в течение всего нескольких дней переживать ту же насыщенность, как когда мы проводили друг с другом все время. Горизонт один и тот же. То, что мы переживаем в нашем единстве, мы переживаем и в отношении с людьми, которые нам даны.

Я знаю, что прямо сейчас разные мои друзья получают сообщения из разных концов Италии: «Познакомь нас с отцом Джованни, мы хотим пригласить его на каникулы». Я не поеду! Не поеду из-за объективной невозможности. Я возглавляю епархию и не могу ею пренебрегать. Что я пытаюсь сказать, так это то, что харизма живет и передается вечно новым и целостным образом через наше единство. А значит, в следовании за конкретным проявлением нашей компании уже есть все необходимое для полного и неизменно удивительного опыта харизмы. Но я не могу посетить каникулы всех наших общин, хотя теперь, после этих упражнений я «вошел в моду» и вызываю любопытство! Люди пошли на немалый риск, пригласив меня сюда.

Проспери. Ты справился!

Паккози. Единство между нами созидательно, и поэтому давайте помогать друг другу следовать за тем, что папа сказал нам в своем последнем письме, продолжать путь, по которому мы идем. В этом смысле, на мой взгляд, встреча, посвященная письму папы, содержит основополагающие суждения о настоящем периоде нашей истории. Следовать – не значит увлекаться тем, что сейчас «в моде». Надежду дарит единство, принадлежность к единству, к этой великой истории, перед лицом которой кардинал Фаррелл (а с ним – и мы все) вчера пребывал с широко распахнутыми глазами, полный взволнованности. В эту великую историю поместил нас Господь.

«Я никак не могу уловить связь между единством и надеждой. Помогите мне».

Проспери. По сути, именно это мне было важно: установить единство всего пути, проделанного в этом году, от прошлогодних упражнений до Дня начала года, от письма папы до нынешних упражнений. Нельзя понять взаимоотношение единства и надежды, не отталкиваясь от веры. В частности, я хотел бы подробнее остановиться на отношении между единством и динамикой «вера-надежда», потому что без этого невозможно обосновать ничего из сказанного нами. Мое уточнение касается вопроса, часто возникавшего в эти месяцы. Ты, отец Джованни, затронул

его в лекции, когда сказал, что единство – дар. Истинность этих слов все мы видим, все мы знаем, что мы не в состоянии достичь его собственными силами. Почему же тогда папа призвал нас оберегать единство? В чем заключается забота о единстве и как она связана с верой и надеждой?

Прочитаю небольшой отрывок из Послания апостола Павла к ефесянам: «Он поставил одних Апостолами, других пророками, иных Евангелистами, иных пастырями и учителями, к совершению святых, на дело служения, для созидания Тела Христова, доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова; дабы мы не были более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения, по лукавству человеков, по хитрому искусству оболщения, но истинною любовью все возвращали в Того, Который есть глава Христос». Внимательно послушайте, как он продолжает: «...из [Него] ...все тело, составляемое и совокупляемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей [вот описание единства], при действии в свою меру каждого члена, получает приращение для созидания самого себя в любви»¹⁴⁹.

Так мы подводим итог пути, проделанному в этом году, потому что только зрелая вера действительно в состоянии заботиться о единстве между нами, таком единстве, благодаря которому растет тело, хорошо устроенное и соединенное посредством участия всех своих сочленений. Однако, уточняет апостол Павел, недостаточно сказать «вера», чтобы она стала зрелой. Зрелую веру он противопоставляет вере незрелой, вере колеблющихся младенцев, увлекающихся всяким ветром учения, по лукавству человеков. И правда, каждый день мы убеждаемся, насколько мы подвержены воздействию того, что отец Джуссани называл «властью». Власть действует во все времена, а сегодня, пожалуй, в некотором смысле она активна как никогда, поскольку влияние ее более тонкое, тихое, и оно привлекает. Дьявол не бьет тебя по щекам, он делается заманчивым, предлагает тебе щедрые блага в обмен на твою верность его власти и его догмам, так что порой мы перенимаем его взгляд на вещи.

Думаю, сегодня и для Церкви, и для нас это самая воспаленная точка на всех уровнях. Хочу прочитать письмо, которое отец Джуссани написал группам «Общения и освобождения» в 1979 году, еще до признания Братства Святым Престолом, сразу после аудиенции с Иоанном Пав-

¹⁴⁹ *Еф.* 4:11–16.

лом II: «Дорогие друзья, как вы, наверное, знаете, я получил великий дар – возможность долго беседовать с папой о нашей жизни и о том, кем бы мы хотели быть в нашей возлюбленной Церкви и на нашей любимой земле. Сидя перед ним, я спрашивал себя: „Что такого видит в моей жизни папа, чтобы удостоить меня всего этого?“ Причина – ваша жизнь, жизнь всех вас, моих друзей и спутников, вся ваша вера, ваша трудолюбивая самоотдача, ваша щедрость, ваша способность приносить жертвы. Вот истинная причина, по которой он принял меня. И меня наполнило изумление, стыд за себя и благодарность папе и вам. Хочу кратко изложить вам посыл, прозвучавший в его словах и отношении. Во-первых, Иисус Христос – истина обо всем человеке, а вера – форма всей жизни и ее действительности». В этом году мы говорили: вера образует жизнь. «Во-вторых, вера, следовательно, не существует с одной стороны, а интересы, жизненные обязанности, работа – с другой. Нет. Вера есть источник критерия, позволяющего подступаться ко всем проблемам существования, и именно в вере должно укореняться наше поведение в окружающей среде, она подобна почве, на которой прорастают все проблемы». В эти месяцы мы как раз спрашивали себя об отношении веры и нашего присутствия в обществе. «В-третьих, необходимо, в частности, чтобы вера находила отражение в культуре. Действительно, именно культура определяет облик народа, воплощает его историю. Наша вера не должна страдать „комплексом неполноценности“ перед господствующей культурой».

Мы должны задумываться о нашей позиции в отношении господствующей культуры, которую Джуссани часто называл «властью». То, что мы пытаемся делать в журнале «Трачче» (вчера об этом упоминал и отец Джованни), деятельность культурных центров, Митинг в Римини – отдельные примеры того, как наша вера выражается в культуре, и их надо поддерживать. Отец Джуссани продолжает: «Мы всегда говорили: для проверки нашей веры и достижения ее зрелости, нужно вовлекаться в событие, в котором она живет, чтобы и для нас открывались свет, желание и мужество, позволяющие следовать». Завершил он так: «Друзья мои, в мире, где вера настолько утрачена, а несправедливость столь велика, давайте сбросим с себя оковы инертности, сокрушим наш эгоизм, преодолеем нашу буржуазность»¹⁵⁰.

¹⁵⁰ L. Giussani. *Serviamo Cristo in questo grande uomo // Litterae Communionis CL*. № 2. 1979. P. 2–3.

Что же такое зрелая вера? Мы услышали ответ в словах отца Джуссани: вера, «вовлеченная в событие, в котором она живет». Итак, подводя итог всему пройденному пути, мы можем сказать: зрелая вера – это вера, глубоко укорененная в дружбе со Христом. Именно дружба с Ним открывает нас для всего, открывает нас для истины, для познания истины, а также для познания лжи, обмана, позволяя нам не колебаться и не увлекаться любым ветром учения. Об этом я написал старшеклассникам из Движения: дружба Иисуса, порождающая дружбу между нами, характеризуется двумя основополагающими факторами. Во-первых, Он делится с нами Своим знанием: «Я сказал вам все». Мы бы ничего не знали о непостижимой Тайне, если бы нам не было открыто, если бы нам не было открыто сегодня. Открыто кем? Его присутствием. Со знанием Он дарует нам и Свое всецелое доверие. «Я сказал вам все», – как у друга нет секретов от друга. Мы знаем, что на языке Библии познание означает отношение.

Христос дарует нам Свое знание Отца, вводит нас в общение между Отцом и Сыном: недоступное для наших усилий, хотя, безусловно, желанное, оно возможно только благодаря Его инициативе. Это и есть настоящая дружба. И во-вторых, *idem velle, idem nolle*: желать того, чего стоит желать, и не желать того, чего желать не стоит; дружба – разделение с Ним Его воли. И тут в игру вступает наша свобода, тут же часто выявляется и вся наша слабость. Но даже тут, перед лицом нашей слабостью свободы, с трудом соглашающейся с замыслом Бога о нашей жизни, даже тут Христос предпринял инициативу и продолжает предпринимать ее сегодня, как в тот день, когда Он разрешил вопрос в Гефсиманском саду: «Не Моя [Он полностью отождествляется с нашей человечностью], но Твоя воля да будет»¹⁵¹. Тем самым Он засвидетельствовал, что Его воля совпадает с волей Отца.

Итак, новая жизнь, которая дается нам в следовании за Христом, – это погруженность в дружбу с Ним, достигающим нас в нашем общении, в нашей истории. Именно поэтому мы так подчеркивали все это время центральное место общения, не просто как сопутствующей поддержки субъективного опыта веры, а как стержневого содержания самой веры, необходимого для ее зрелости.

«Меня очень поразил образ жонглера, стоящего головой вниз и видящего, что реальность зависит от Бога, творящего ее в настоящий

¹⁵¹ Ср. Мф. 26:42; Мк. 14:36; Лк. 22:42.

момент. Мой вопрос в том, как можно „приучить“ себя всегда сохранять такую точку зрения».

Проспери. Мне кажется, это прекрасный способ завершить весь путь упражнений. Что меня поразило больше всего (у нас будет время и возможность вернуться подробнее к содержанию лекций), – так это видеть, что такое надежда в том, кто вел нас по пути размышлений. Надежда – добродетель пути, не конечная точка, не фантазии о том, как исполнится обещание. Надежда – в том, чтобы видеть, как человек идет по пути, уверенно, с высоко поднятой головой, несмотря на все сложности и проблемы жизни. Идти по пути можно двумя способами: ты либо движешься наобум, либо следуешь.

Как же приучать себя к точке зрения, благодаря которой мы признаем, что реальность зависит от Бога? Такое сознание созревает в опыте послушания, следования; однако речь не идет о требовании дисциплинарного характера. В Великий Четверг Евангелие от Иоанна напоминало нам: «Как возлюбил Меня Отец, и Я возлюбил вас; пребудьте в любви Моей. Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей, как и Я соблюл заповеди Отца Моего и пребываю в Его любви. Сие сказал Я вам, да радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна»¹⁵².

Последняя часть письма папы, касающаяся послушания (посещая наши общины, я заметил, что ее не всегда до конца понимают и порой сводят к морализму), подводит нас к условию, при котором может осуществиться обещанная нам Иоанном полная, совершенная радость. Евангелие продолжается так: «Сия есть заповедь Моя [заповедь!], да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих. Вы друзья Мои [дружба со Христом], если исполняете то, что Я заповедую вам. Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего»¹⁵³.

Так мы понимаем, *что* на самом деле поставлено на карту в вопросе следования и послушания: если Иисус делится с нами тем, что слышит от Отца, чтобы позволить и нам познать непостижимую тайну Бытия,

¹⁵² *Ин.* 15:9–11.

¹⁵³ *Ин.* 15:12–15.

то речь идет о разнице между послушанием раба и послушанием друга. «Я назвал вас друзьями». Кто зовет нас друзьями? Сын Божий!

Вот глубокая разница между послушанием раба и послушанием сына: раб не знает целей и владений господина, он повинует, потому что должен, чтобы не быть наказанным, чтобы не быть отосланным прочь, ради собственной выгоды, но то, что принадлежит господину, не его. Сын же – наследник, и то, что передает ему отец, уже в некотором смысле его, хотя он еще не вступил в полноправное обладание, оно принадлежит ему, но еще не до конца. Послушание сына необходимо, чтобы овладеть ценностью, смыслом того, что передает ему отец.

Поэтому мы говорим, что проявлять послушание – значит проникать в жизнь отца, вживаться всем нашим существом в глубокие причины, движущие отцом. Сын, однако, свободен в отношении с отцом, только когда признает, что он любим. Отношение, которое в конечном счете порождает меня, как отец – сына, порождает и нашу свободу. Так, в послушании авторитету Церкви, а также авторитету нашей дружбы осуществляется глубокая, истинная свобода. Свобода полностью проявляется в отношении с авторитетом, а иначе человек пытается задобрить авторитет, но сердцем он далеко, потому что не верит в это отношение. Или же он отрекается от самого себя и пассивно простирается перед тем, за чем следует, не задействуя по-настоящему свою личность, в результате чего он не растет и его вера не становится зрелой, вечно остается инфантильной, подростковой, сосредоточенной только на его заботах и не берущей взрослой ответственности за то, чтобы породить (и никто не порождает, не будучи сам порожден). Такая свобода возможна, если мы живем в послушании детей, идя по пути, на котором обещанное нам – уже наше, наше наследство.

Именно эта уверенность позволяет нам следовать в радости и убежденности, даже когда мы не видим всего пути или испытываем те или иные трудности. Я настаиваю: у послушания есть лишь одна причина, и она заключается в том, чтобы расти, становиться, как мы говорили на Дне начала года, вспоминая слова отца Джуссани, отцами и матерями. Мы часто видим, как у нас возникают возражения: «Да, но я не способен, я слишком мал, ничего не умею, меня переполняет нерешительность, я не согласен, ты поступил со мной дурно, я весь такой неправильный». Смелее, друзья, смелее! Не мы творим реальность, не я творю реальность и все в ней. Я не творю даже самого себя таким, какой я есть. Я такой, какой есть. Реальность уже сотворена Другим!

Тогда у нас не остается отговорок. Ты упал? Поднимайся! Тебе сложно? Нам тоже! Тебе не удастся оторвать взгляд от земли? Посмотри перед собой: мимо идет Тот, Кто возлюбил тебя вечной любовью, свято Имя Его! Пойдем с нами, пойдем и мы умрем с Ним!¹⁵⁴ Ветхий человек должен умереть, наша гордыня должна умереть, наша самодостаточность должна умереть, наше нетерпение должно умереть, если мы хотим, чтобы в нас распустилась новая жизнь, которую может даровать лишь Христос.

* * *

У меня есть для вас важное объявление – новость, которую совсем недавно распространила информационная служба Миланской епархии.

В четверг, 9 мая, в 17:00, в базилике Св. Амвросия архиепископ Милана монсеньор Марио Дельпини проведет первую публичную встречу нового, епархиального этапа свидетельств в рамках процесса беатификации и канонизации Слуги Божия Луиджи Джуссани. С огромной радостью мы принимаем эту долгожданную новость. Речь идет об основополагающем этапе в процессе беатификации нашего дорогого отца Джуссани.

Первый, так называемый документальный этап начался в 2012 году и состоял в богословском расследовании, которое имело положительный исход, а также в обширном и сложном историческом расследовании, которое на настоящий момент продвинулось очень далеко.

По окончании этапа свидетельств, который начнется 9 мая, собранные документы будут направлены в Дикастерию по делам святых в Ватикане, где работа, проделанная в Миланской епархии, пройдет проверку, после чего последуют следующие этапы, предусмотренные нормой, вплоть до решения Святейшего Отца признать Слугу Божия отца Джуссани досточтимым.

В частности, как заявил сегодня утром монсеньор Эннио Апечити, епархиальный ответственный по делам святых, по окончании этапа свидетельств «тщательное изучение чуда, дарованного Богом по заступничеству Слуги Божия, позволит понтифику объявить монсеньора Луиджи Джуссани блаженным, тогда как в силу другого чуда, уже после беатификации, он сможет провозгласить его святым Церкви».

¹⁵⁴ «Пойдем и мы умрем с Ним» (Ин. 11:16).

Как объясняют в епархии, дата (9 мая) и место (базилика Св. Амвросия) первой публичной встречи в рамках этапа свидетельств были выбраны архиепископом по причинам, связанным с личностью отца Джуссани. «Торжество Вознесения, празднуемое в этом году 9 мая, – объясняет монсеньор Апечити, – было особо дорого Джуссани, а церковь в честь святого Амвросия показалась наиболее подходящей для того, чтобы подчеркнуть связь амвросианского священника с его „главным покровителем“. Наконец, близость базилики к Католическому университету Святейшего Сердца напоминает о месте, где на протяжении многих лет Слуга Божий воспитывал поколения молодых людей, передавая им свою пламенную любовь к Церкви».

Мы глубоко благодарны архиепископу Дельпини, монсеньору Апечити, постулятору процесса Кьяре Минелли и всем людям, вовлеченным в процесс, за то, что они сделали возможным его новый этап. Безусловно, мы очень благодарны и папе Франциску за внимание и уважение к отцу Джуссани и к пути Движения в настоящий период, которые он выражал неоднократно, в том числе и публично.

С этого момента доверим в руки Церкви неудержимое желание наших сердец, чтобы в скорейшем времени отец Джуссани был причислен к лику блаженных и святых Господних. Поставим перед собой задачу усилить наши молитвы о благом исходе процесса, о тех, кто принимает и примет участие в предстоящем этапе, и будем еще решительнее просить о заступничестве Слуги Божия Луиджи Джуссани в наших молитвенных намерениях.

СВЯТАЯ МЕССА

Литургия Слова: Деян. 3:13–15, 17–19, Пс. 4; 1 Ин. 2:1–5; Лк. 24:35–48

**ПРОПОВЕДЬ ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА МОНСЕНЬОРА ФИЛИППО САНТОРО,
АРХИЕПИСКОПА ТАРАНТО НА ПОКОЕ
И ОСОБОГО ПАПСКОГО ЛЕГАТА ДЛЯ ОБЪЕДИНЕНИЯ *MEMORES DOMINI***

Я подготовил проповедь на третье воскресенье Пасхи, но новость, которую мы только что услышали, открывает совершенно новую перспективу. Радость, охватившая апостолов при виде воскресшего Господа Иисуса, – та же радость, с какой мы принимаем известие об открытии этапа свидетельств – важного шага на пути беатификации и канонизации Слуги Божия отца Луиджи Джуссани. Великая радость от того, что Церковь признает: этот ее сын ежедневно жил в присутствии Господа, охваченный Его любовью, охваченный опытом воплощенного Слова, Которое есть центр мироздания и истории, Господь, воскресший и живущий среди нас. Церковь также признает, что он передал все это своим первым ученикам в лицее Берше, а потом и каждому из нас.

Начиная процесс беатификации и канонизации, Церковь имеет в виду конкретного человека. Однако благодать, дарованная ему, распространяется на все его дело, и потому нас освещает невероятная радость. Помимо явных знаков, какими стало для нас одобрение Церковью Братства в 1982 году и *Memores Domini* в 1988-м, сейчас она предлагает нам очередную знак, побуждающий нас отдать всю жизнь Господу, придерживаясь пути и формы наставления, которым мы были вверены.

Сегодняшнее Евангелие помогает нам понять причины нашей радости. Поначалу апостолы смутились и испугались, решив, что видят духа. Они смущены и испуганы перед лицом жизни и перед явлением Господа. Иисус же делает три вещи. Прежде всего, показывает им руки и ноги, говоря: «Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои». Первый глагол, который Он использует, – «посмотрите». Все мы призваны смотреть на произошедшее, на знаки Его присутствия. «Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это Я Сам!» Далее – другой глагол: «Осяжите Меня». Во встрече с отцом Джуссани, с харизмой, родившейся от него через действие Духа Святого, нас коснулась Тайна, и наша жизнь уже не та, что была раньше. На нас посмотрели: посмотрели как мама смотрит на своего ребенка, как папа смотрит на своего ребенка; посмотрели с такой любо-

вью, посмотрели, как смотрит на нас Иисус. Нас коснулся конкретный опыт, нас достигли голос, встреча, отношение и, наконец, знак единства, который мы получили во встрече. Многие люди в Бразилии и в Италии говорили мне: «Мы не знали отца Джуссани, но благодаря вашему свидетельству он словно присутствует здесь, среди нас». Таково присутствие, такова плодотворность харизмы. «Когда же они от радости еще не верили [хотя радость переполняла их] и дивились, Он сказал им: есть ли у вас здесь какая пища? Они подали Ему часть печеной рыбы и сотового меда. И взяв, ел пред ними». Вот еще один глагол: «ел». Мы тоже причастны к этому общению, к этой вечере, к этой жизни. Смотреть, осязать, есть. Нас питает Присутствие, Которое находит Свое высшее выражение в Евхаристии.

Нашей Пасхой была произошедшая с нами встреча: жизнь уже не та, что раньше. Смотреть, осязать, подпитываться. Между встречей Иисуса воскресшего с апостолами и нашей встречей с отцом Джуссани есть преемственность. И сейчас, услышав новость, я говорю: нам не нужно молиться об открытии процесса, мы должны просить Отца по заступничеству отца Джуссани, чтобы наш опыт становился все более истинным, чтобы и мы могли жить тем, чем жил он, жить до самой глубины в конкретных обстоятельствах жизни, едим ли мы, пьем ли мы, в семье, в полной отдаче жизни Господу. Мы должны просить у отца Джуссани ходатайствовать о нас, о нашем опыте, о задаче, вверенной нам папой – служить единству и оберегать его, чтобы идти даже до края земли. Когда нас призывают, как говорилось и сегодня утром, как случилось и со мной, отправиться в миссию, – это величайшая благодать, какая только возможна в жизни. И поэтому нужно молить Господа, чтобы Слуга Божий отец Луиджи Джуссани был близок нам на пути сегодня.

Через отца Джуссани в Церкви, в общении Церкви сформировалось это таинственное тело. Через свидетельство монсеньора Джованни Паккози мы прикоснулись к нему, вновь пережили его на опыте здесь, на упражнениях, ведь Пасха происходит сейчас, Пасха происходит для нас сегодня, на нашем пути. Кардинал Фаррелл остался под впечатлением, увидев двадцать тысяч человек, и вчера вечером на ужине он еще раз сказал об этом, о том, как его поразил способ проведения упражнений, молчание, собранность, единство. Это тело, образованное множеством людей, множеством «я», – не безликая масса, оно состоит из каждого из нас, и притом оно – одно, одно сердце и одна душа.

Меня очень растрогал рассказ монсеньора Джованни о его жизни, о его призвании, о его истории, о его миссии, о его епископстве, о его задаче в Латинской Америке, его воспоминания об Андреа Ациани и об отце Паоло Барджиджиа как о знаках того, что происходит в многочисленных точках нашей истории. Он также познакомил нас с грандиозной историей францисканских миссионеров, которые спускались на лодках из Окопы, с перуанских Анд по рекам Амазонии, потому что признавали воскресение Иисуса и хотели нести весть о Нем. Пока он говорил, мы чувствовали, как то же самое происходит сейчас, происходит для каждого из нас. Вот величайший плод Пасхи. Для отца Джуссани вершиной Пасхи было «да» Петра на берегу Галилейского моря, где они впервые встретились. Иисус смотрит на Петра и спрашивает: «Симон, любишь ли ты Меня?» Такова кульминация Пасхи, и тот же вопрос Он задает каждому из нас: «Ты видел все эти вещи, прекрасные и великие. Но любишь ли ты Меня?» Мы научились у отца Джуссани, которым двигал Дух Святой, отвечать, подобно ему: «Да, Ты знаешь, что я люблю Тебя». Отсюда рождается надежда, и так мы несем ее в мир.

ОТПРАВЛЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ

Его Святейшеству папе Франциску

Ваше Святейшество,

около двадцати одной тысячи человек, собравшихся вместе в Италии, а также зарубежные общины из двадцати одной страны и около трех тысяч человек, подключившихся к трансляции из-за проблем с передвижением, участвовали в эти дни в духовных упражнениях Братства «Общения и освобождения».

Их темой стала фраза «Надежда, – говорит Бог, – вот что приводит Меня в удивление» (Ш. Пеги), проповедовал на них Его Преосвященство монсеньор Джованни Паккози, епископ Сан-Миниато. Для всех нас, Ваше Святейшество, упражнения стали возможностью вновь осознать нашу нужду – признавать Христа в нашей жизни. Признавать, что мы в состоянии надеяться, только когда Он присутствует.

Монсеньор Паккози сопровождал нас на пути такого признания и живо показал нам, что только в объятии Церкви, через компанию, порожденную харизмой отца Джуссани, в которую мы погружены, мы остаемся в единении с объективным присутствием Христа воскресшего. Присутствие Его Высокопреосвященства кардинала Фаррелла стало для нас ясным знаком ободрения на нашем пути веры в рамках принадлежности единой Церкви, ради которой мы живем и без которой не могли бы существовать. Христос использует нашу надежду, чтобы явить всем Свое лицо, и мы можем лишь «служить этой надежде». Мы желаем, чтобы на нашем пути нас сопровождала Мария, уверенные, что «без Богородицы мы не могли бы быть уверены в будущем, потому что гарантию будущего дает нам Христос».

Благодарные за Ваше благословение, исполненные желания, чтобы Христос достигал нас каждый день, продолжаем молиться о Вас.

Давиде Проспери

*Его Высокопреосвященству кардиналу Маттео Дзуппи,
президенту Итальянской конференции епископов*

Ваше Высокопреосвященство,

около двадцати одной тысячи человек, собравшихся вместе в Италии, а также зарубежные общины из двадцати одной страны и около трех тысяч человек, подключившихся к трансляции из-за проблем с передвижением, участвовали в эти дни в духовных упражнениях Братства «Общения и освобождения».

Их темой стала фраза «Надежда, – говорит Бог, – вот что приводит Меня в удивление» (Ш. Пеги), проповедовал на них Его Преосвященство монсеньор Джованни Паккози, епископ Сан-Миниато.

Монсеньор Паккози сопровождал нас на пути такого признания и живо показал нам, что только в объятии Церкви, через компанию, порожденную харизмой отца Джуссани, в которую мы погружены, мы можем переживать опыт настоящей надежды. Мы служить Церкви при поддержке Богородицы, уверенные, что, как напоминал нам отец Джуссани, «без Богородицы мы не могли бы быть уверены в будущем, потому что гарантию будущего дает нам Христос».

Благодаря Вас за Вашу близость и прося о Вашем благословении, сердечно приветствуем Вас.

Давиде Проспери

Его Преосвященству Николо Ансельми, епископу Римини

Ваше Преосвященство,

еще раз благодарим вас за отцовство, которое Вы всегда выражаете по отношению к нам, и за личное приветствие, которым Вы к нам обратились. Пишу, чтобы сообщить, что в духовных упражнениях Братства «Общения и освобождения» на тему «Надежда, – говорит Бог, – вот что приводит Меня в удивление» (Ш. Пеги) приняли участие около двадцати одной тысячи человек, собравшихся вместе в Италии, а также зарубежные общины из двадцати одной страны и около трех тысяч человек, подключившихся к трансляции из-за проблем с передвижением.

Размышления монсеньора Паккози, епископа Сан-Миниато, помогли нам признать, что нас наполняет желание надежды и уверенность, что лишь Христос отвечает нам и укрепляет это желание. Мы хотим, чтобы на дороге такого признания нас сопровождала Матерь Божия, ибо, как напоминал нам отец Джуссани, «без Богородицы мы не могли бы быть уверены в будущем, потому что гарантию будущего дает нам Христос». Испрашивая Вашего благословения для пути нашего Братства, сердечно приветствую Вас.

Давиде Проспери

ИСКУССТВО В НАШЕЙ КОМПАНИИ

Составитель – Сандро Кьеричи

ИСТОРИИ О СВЯТОМ ФРАНЦИСКЕ В ВЕРХНЕЙ БАЗИЛИКЕ В АССИЗИ

В «Историях о Франциске», фресках, выполненных Джотто и его мастерской в верхней церкви в Ассизи, святой предстает перед нами как человек, претерпевший перемену, во встрече со Христом ставший радостным, обретший полноту, всецело погруженный в историю, действующий в конкретном времени и пространстве, движимый осознанием самого себя и собственной судьбы. Святость преподносится тут как опыт, возможный человеку в любых обстоятельствах.

1. Юродивый предсказывает Франциску его грядущую славу
2. Франциск отдает свой плащ некогда богатому, а теперь бедному воину
3. Сон о дворце
4. Распятие из Сан-Дамиано, говорящее с Франциском
5. Отказ от имущества
6. Сон Иннокентия III о Франциске
7. Папа утверждает устав францисканского ордена
8. Чудесное явление Франциска братии на огненной колеснице
9. Видение небесных престолов
10. Изгнание демонов из Ареццо
11. Испытание огнем перед султаном
12. Экстаз Франциска
13. Вертеп в Греччо и торжественное празднование Рождества
14. Чудесное открытие источника
15. Проповедь птицам
16. Смерть дворянина из Челано
17. Франциск перед Гонорием III
18. Явление Франциска во время проповеди Антония Падуанского в Арле
19. Стигматизация Франциска
20. Смерть и вознесение Франциска
21. Подтверждение стигматов
22. Оплакивание Франциска монахинями-клариссами
23. Явление Франциска Григорию IX
24. Исцеление Иоанна, раненного разбойниками в Лериде
25. Исповедь воскресшей женщины
26. Освобождение из темницы Петра из Алифе, обвинявшегося в ереси

Содержание

ТЕЛЕГРАММА ПАПЫ ФРАНЦИСКА 3

Пятница, 12 апреля, вечер

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО 4

ВВЕДЕНИЕ – ***Неудержимое стремление к самореализации, естественное желание счастья*** 10

СВЯТАЯ МЕССА – ПРОПОВЕДЬ ПРОПОВЕДЬ О. МАУРО ДЖУЗЕПPE ЛЕПОРИ 22

Суббота, 13 апреля, утро

ПЕРВОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ – ***От желания к христианской надежде*** 25

Суббота, 13 апреля, день

ВТОРОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ – ***Радость нищего*** 50

СВЯТАЯ МЕССА – ПРОПОВЕДЬ ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА
КАРДИНАЛА КЕВИНА ДЖОЗЕФА ФАРРЕЛЛА 71

Воскресенье, 14 апреля, утро

СОБРАНИЕ 76

СВЯТАЯ МЕССА – ПРОПОВЕДЬ ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА
МОНСЕНЬОРА ФИЛИППО САНТОРО 97

ОТПРАВЛЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ 100

ИСКУССТВО В НАШЕЙ КОМПАНИИ 103

